

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

**ГБУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ
СЛЕПЫХ»**

ИННОВАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

ТЕРРИТОРИЯ ЧТЕНИЯ

Выпуск 8.

**НОБЕЛЕВСКИЕ ЛАУРЕАТЫ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ**

К ГОДУ ЛИТЕРАТУРЫ

Ростов-на-Дону

2015

Территория чтения. Вып.8. Нобелевские лауреаты по литературе: Метод. пособие / Ростов. обл. спец. б-ка для слепых; сост. И.А. Гетажаева, Е.Е. Невидимова – Ростов н/Д, 2015. – с. 120.

Имеющийся в пособии материал позволит познакомиться с российскими писателями – нобелевскими лауреатами по литературе. А так же, с писателями – лауреатами премии им. Нобеля, рожденными на территории Российской империи или СССР, но на момент вручения премии не получивших российского подданства или советского гражданства.

Пособие посвящено Году литературы и предназначено библиотекарям и специалистам, занятым в сфере реабилитации людей с ограниченными возможностями здоровья.

СОДЕРЖАНИЕ

ПАСТЕРНАК Б.Л.	7
ШОЛОХОВ М.А.	19
СОЛЖЕНИЦЫН А.И.	42
СЕНКЕВИЧ Г.И.	65
РАЙМОН В.С.	71
БУНИН И.А.	76
СИЛЛАНПЯЯ Ф.Э.	90
БУШЕВИС-ЗИНГЕР И.	100
МИЛОШ Ч.	107
БРОДСКИЙ И.А.	113

КРИТИКА НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ

Полезно вспомнить историю возникновения «самой престижной в мире премии». Швед Альфред Нобель - третий сын Эммануэля Нобеля - родился в 1833-м году. Его отец в 1842-м году переехал в Петербург, где занялся разработкой мин. В 1859-м году этим стал заниматься второй сын - Людвиг Нобель. Альфред, вынужденный вернуться в Швецию после банкротства семейного дела, посвятил себя изучению взрывчатых веществ, особенно безопасному производству и использованию нитроглицерина.

В 1862-м году было проведено первое успешное испытание вещества - будущего динамита или «безопасного взрывчатого порошка Нобеля» и подана заявка на патент. В Швеции Альфред Нобель открыл завод «Нитроглицерин», ставший основанием его собственной промышленной группы по производству взрывчатых веществ, затем была создана целая сеть заводов в Европе. На заводах, принадлежащем семье Нобеля, произошло несколько взрывов, в одном из которых в 1864-м году погиб младший брат Альфреда Нобеля Эмиль и ещё несколько рабочих.

От производства динамита, других взрывчатых веществ и от разработок нефтяных полей Баку (Товарищество «Бр. Нобель») Альфред Нобель накопил значительное состояние. Побывавший на заводе Нобеля много лет спустя М. Горький писал: «Нефтяные промыслы остались в памяти моей гениально сделанной картиной мрачного ада...».

Последние годы жизни А. Нобеля были отмечены рядом скандалов: при организации рынка сбыта бездымного пороха Альфред Нобель продал свой патент Италии, за что правительство Франции обвинило его в краже, его лаборатория была закрыта. Затем был скандал в связи с его участием в спекуляциях при неудачной попытке прокладки Панамского канала. Современники называли Нобеля в прессе «миллионер на крови», «торговец взрывчатой смертью», «динамитный король».

В 1888-м году (за восемь лет до реальной кончины) в одной из французских газет появилась ошибочная публикация некролога А. Нобеля (газетчики перепутали Альфреда с его старшим братом Людвигом, умершим 12 апреля) с порицанием изобретения динамита. Считается, что именно это событие подтолкнуло Нобеля к решению учредить премию, чтобы не остаться в памяти человечества «злодеем мирового масштаба». Премию полагалось присуждать в пяти

сферах: медицине, физике, химии, литературе и миротворчестве.

В ноябре 1895-го года в Париже Альфред Нобель подписал завещание, согласно которому большая часть его состояния должна была пойти в Фонд Нобелевской премии, который составил 31 миллион крон. В завещании Нобель так излагал свою волю: на проценты от его капитала присуждать премии тем, кто принёс наибольшую пользу человечеству. Однако последующая деятельность Комитета по присуждению широко известной премии имени Альфреда Нобеля не соответствует этому положению.

Фонд формируется как ежегодные проценты с основного Нобелевского капитала, размещённого в финансовых организациях, в основном американских. Очевидно, Нобелевский комитет не может игнорировать этот факт. Это и является причиной, почему количество лауреатов-американцев существенно больше, чем лауреатов - неамериканцев.

Деятельность Нобелевского комитета полна несправедливости. Так, отсутствие среди нобелевских лауреатов русского учёного Дмитрия Менделеева - гениального создателя Периодического Закона - позорнейший факт в истории комитета и ярчайшая характеристика его деятельности: при присуждении премии научные заслуги претендента не являются определяющими. Он выдвигался на Нобелевскую премию (1905, 1906, 1907 гг.), но премия не была ему присуждена под тем предлогом, что открытие было сделано им давно.

Это - политика двойных стандартов, т.к. во многих других случаях эта причина не принималась в расчёт. Например, в 2003 году премия по физике была присуждена довольно пожилым еврейским учёным из России Алексею Абрикосову и Виталию Гинзбургу за исследование сверхпроводимости, выполненные более 20 лет назад.

Вообще роль русских и советских учёных за весь период существования Нобелевских премий целенаправленно преуменьшалась и замалчивалась. Русские становились лауреатами в редчайших случаях. По состоянию на 2009-й год только 19 граждан России и СССР получили 15 Нобелевских премий - это значительно меньше, чем представители США (304), Великобритании (114), Германии (100) или Франции (54). Присуждение Нобелевской премии выходцам из России носило и носит чисто политический, антирусский или антисоветский характер.

Так, премии был удостоен писатель Б. Пастернак, который получил премию не за свои неплохие стихи, а за посредственный, резко антисоветский роман «Доктор Живаго». Великие русские писатели Л. Толстой и А. Чехов не удостоились чести получить премию, а вот хотя и талантливый, но значительно уступающий им И. Бунин был Нобелевским комитетом отмечен - возможно, потому, что эмигрировал из России. И поэт из России Иосиф Бродский к моменту получения премии покинул Россию, создавая в своих стихах резко негативный образ бывшей Родины.

Признанный факт: масштаб писателей, ставших лауреатами, постоянно снижается. Известно много случаев незаслуженного награждения.

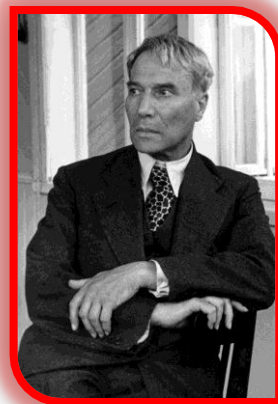
Так, премии по литературе в 2004-м году была присуждена австрийской писательнице Э. Елинек, страдающей наследственным расстройством психики. Её романы, по отзывам критиков, - «смесь порнографии и садизма». Подчеркнём эти слова - «по отзывам критиков», ибо широкая публика отмеченные высокой премией произведения, как правило, не читает.

В 2009 году была награждена немецкая писательница Герда Мюллер. Названия её произведений говорят сами за себя, например: «Горячая картофелина это тёплая постель», «Женщина живёт в пучке волос», «Похоть», «Сторонний взгляд, или Жизнь - это пердёж в фонаре»...

Хотя критика в адрес Нобелевского комитета постоянно нарастает, репутация Нобелевской премии как самой почётной в мире тщательно охраняется ангажированными СМИ.

БОРИС ЛЕОНИДОВИЧ
ПАСТЕРНАК
(1890-1960)

**РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ, ПОЭТ,
ПЕРЕВОДЧИК, ОДИН ИЗ
КРУПНЕЙШИХ ПОЭТОВ XX ВЕКА,
ПОЛУЧИВШИЙ НОБЕЛЕВСКУЮ
ПРЕМИЮ ПО ЛИТЕРАТУРЕ (1958):**

«За значительные достижения в современной лирической поэзии, а также за продолжение традиций великого русского эпического романа».

Философия романа «Доктор Живаго»

Как отмечали многие исследователи творчества Пастернака, роман «Доктор Живаго» — одно из самых необъяснимых его произведений, да и, пожалуй, из всех произведений XX века. А потому к этому произведению нельзя подходить «со сложившимися канонами и стереотипами». Дело в том, что роман очень своеобразен, и авторская воля в нем очень чувствительна, это ощущается и в построении событий, и в поведении героев. Роман много ругали: за неправильное изображение событий Гражданской войны, за рыхлость композиции, за то, что сюжетные линии часто рвутся. Роман был задуман в 20-е годы, а собственно работать над ним Пастернак начал в 40-е годы. Завершение работы над романом относится к 1956 году. А уже в 1957 году Пастернак получает Нобелевскую премию. Работа над романом была очень напряженной. Даже заглавия менялись

часто: «Свеча горела», «Мальчики и девочки». Изображаемое в романе время: от 1903 года до событий послевоенных лет, а в центре событий — революция и Гражданская война. Главный герой романа — доктор Живаго. (Сначала Пастернак хотел дать своему герою имя Живульта.) К осени тридцать пятого года Пастернак вернулся домой и мог возобновить работу над романом, который, судя по уцелевшим листам, сложенным, как обложка рукописи, мог быть, в частности, назван «Записки Патрикия Живульта». В романе с главным персонажем связана тема философии истории. Интерес к истории у Юрия Живаго возникает от его дяди по линии матери Веденятина. Он расстриженный монах, священник, ушедший из церковного мира, чтобы позаботиться о Юрии, который остался сиротой после смерти матери. Дядя и взял его на воспитание, потому что Юра был очень похож на мать. Начало романа получает трагическое звучание: «Шли и пели». В сюжете произведения интерес к истории проявляется в нескольких сценах. Например, когда Юрий еще был студентом-медиком, он прочитал своеобразную лекцию у постели умирающей Анны Ивановны, матери Тони. «Сознание — это свет, бьющий наружу, сознание освещает перед нами дорогу... Сознание — это зажженные фары впереди идущего паровоза. Обратите их светом внутрь, и случится катастрофа». «Человек в других людях и есть душа человека. Вот что вы есть...» Юрий говорит о том, что если при жизни человек чувство-вал себя в делах других, то он останется в них: «И какая вам разница, что потом это будет называться памятью. Это будете вы, вошедшая в состав будущего». В этой лекции-монологе проявляется традиция русской литературы: все для других. Это мотив долга, жертвоприношения. В романе очень частые выходы на размышления об истории. У него своя философия истории: человек, не думая о конце жизни, занимается тем, что ему дорого, интересно, он укрепляет этим жизнь. В конечном итоге все, что он делает с интересом, с радостью, работает на его бессмертие, на ту память, о которой говорил Юрий. По словам Веденятина, человек «умирает в разгаре работ, посвященных бессмертию». В данном случае речь идет о

философии бессмертия. И можно согласиться с тем, что любой человек умирает «не под забором», а у себя в истории. В этом плане, в связи с размышлениями дяди, Живаго становится понятна искренность героев романа к событиям истории. Так, Лара Гишар оказывается втянутой в исторические события, потому что будет разыскивать своего мужа — Павла Антипова, в Гражданской войне — Стрельников, за свою жестокость в принятии решений прозванный Расстрельниковым. В свою очередь Павел Антипов, как выясняется в самом конце романа, пришел на войну, потому что ему важны не исторические события, а романтика, которая с ними связана. Ему всегда казалось, что Лара связалась с ним не только из-за любви, в ней была жалость к нему как к человеку из других кругов. Он стал учителем математики, преподавал в Юрятино. «Как преподавал, как преподавал, как бог! Все разжует и в рот положит!» Умная Лара чувствовала, что он оказывается в водовороте этих событий, чтобы быть достойным ее. Одна Лара понимала истинные его побуждения. Таким образом, и Лара, и Патуля Антипов прежде всего ценили отношение к ближнему, а уже потом все остальное. Юрий Андреевич Живаго окончил университет, стал врачом, но мы редко видим его во время его профессиональной деятельности. Тем более обращают на себя внимание те сцены, когда его выкрали в партизанский отряд из-за того, что он врач. Отношение его к Гражданской войне, которая на глазах становилась историей, неоднозначно. Он искренне не понимает, зачем нужно убивать. Есть вечные ценности, рядом с которыми даже Гражданская война воспринимается как явление преходящее, незначительное в истории, потому что Пастернак доверил своему герою интерес к истории, в которой было очень много всяческих потрясений. Об истории размышляют и подростки мальчики, а девочки «платят» (Лариса Федоровна, Антонина Громеко, Марина) за то, что оказались втянутыми в водоворот истории. Лариса Федоровна вышла однажды из дома и не вернулась. Об этом мы узнаем в самом конце романа, в эпилоге. Тоня Громеко, жена Юрия Живаго, оказалась за границей. Иннокентий Дудоров и

Михаил Гордон в эпилоге размышляют об истории в грозовой 1943 год — разгар войны, а потом «через пять или десять лет» размышляют они о России, об истории и о месте человека в ней, вспоминая Блоковские слова: «Мы — дети страшных лет России» (грамотные читатели, на которых рассчитывал Пастернак, знали, что это строки из стихотворения «Рожденные в года глухие»). Одна из основных тем романа — тема любви. Он пронизан любовью, причем разной: к семье, к детям, друг к другу, к Родине. В романе нашли отражение личные связи Пастернака. Прототипом Лары становится О. Ивинская, которая случайно-законо-мерно встретилась Пастернаку. Лару Юрий встречает тогда, когда они были еще мальчиком и девочкой. Жизнь Лары потерялась из внимания Юрия, он связывает свою жизнь с другой. Лара выходит замуж за Антипова, которого она любила. Если бы ей сказали, что Патуля жив, и указали, где, она ползком бы проползла, чтобы найти его. Но так случилось, что, когда она искала Антипова, она встретила Юру. Юрию кажется, что только она понимала его. Однако в письме Тони Юрию видно, что она тоже его понимает. Тоня принимает решение уехать за границу с детьми. Любовь — это тайна, непонятная иногда даже двоим, любовь — это чувство, которое нельзя ввести в рамки. Лара любила Юру, а он, оставаясь верным Тоне, не представлял себе жизни без Лары, которую встретил уже во взрослой жизни. Когда Юрий поверил Комаровскому, убедившему его в том, что Ларе, как жене Стрельникова, грозит серьезная опасность, он позволяет увести Лару. Жизнь его с этого момента становится лишенной смысла. Это очень ярко описано в 14-й части 13-й главы романа. Сцена разлуки в романе нашла отражение в стихотворении Юрия Живаго «Разлука». Тема любви к ближнему раскрывается в сценах, когда Живаго находится в партизанском отряде. Один из солдат — Панфил Палых — говорит, что многих пустил в расход, боится теперь за исход Гражданской войны. Он все чаще вспоминает одного парнишку, убитого им давно. Это воспоминание до сих пор тревожит его, преследует. Панфил любит детей, семью, но чтоб они не достались никому в случае поражения, жестоко убивает семью сам. По контрасту

с ним показан Юрий Живаго, который целился в дерево, а попал в парнишку, которого не знал. Это был Сережа Ранцевич. Живаго выходил его и не обиделся, когда тот сказал, что не поступится своими идеалами, если они встретятся на поле боя. Тема истории, любви, преходящих и извечных ценностей своеобразно отражается в лирике Живаго, помещенной в конце романа. Живаго недаром изображается поэтом, пожалуй, больше, чем врачом. Это своеобразное свидетельство Живаго о своем времени, поэтически осмысленное. В этой лирике перед читателем предстает мир, утративший устойчивость. Объяснение этому находит автор, как в самой эпохе, так и в специфичности положения искусства и художника в ней. Лирика Юрия Живаго — это важная часть романа. Если повествование в нем вполне традиционно: рассказывается о человеческой судьбе в потоке времени, то лирика становится органичной частью романа. Автор выстраивает свой роман по законам скорее лирики, чем этики, изображение субъективно, мир предстает таким, каким он отражается в сознании главного героя. А он, вопреки утвердившимся в советской литературе нормам и требованиям, остается частным лицом. Смысл его существования раскрывается не столько в его действиях, сколько в его стихах. Гамлет Гул затих. Я вышел на подмости. Прислонясь к дверному косяку, Я ловлю в далеком отголоске, Что случится на моем веку. Но продуман распорядок действий и неотвратим конец пути. Я один, все тонет в фарисействе - Жизнь прожить — не поле перейти. Пастернак писал отнюдь не автобиографический роман, но история духовного развития героя в главном ее содержании воспроизводит процесс духовного формирования поэта.

Источник: <http://vsesochineniya.ru/pasternak-analiz-proizvedeniya-doktor-zhivago-plan.html>

Сценарий литературно-музыкального действия в библиотеке в форме чтения стихов по кругу

«Он награжден каким-то вечным детством,
Той щедростью и зоркостью светил,
И вся земля была его наследством.
А он ее со всеми разделил».

Анна Ахматова

В предлагаем сценарии литературно-театрализованного действия могут принять участие поклонники лирики величайшего поэта XX века - читатели и сотрудники любой библиотеки.

Оформление зала: портрет Бориса Пастернака

Выставка книг: «Не я пишу стихи, они, как повесть, пишут меня, и жизни ход сопровождает их...»

Томики стихов Б. Пастернака и электронная коллекция лирики поэта присутствуют на всем библиотечном пространстве: стихотворения поэта в виде изящных открыток разложены на столах в залах библиотеки, размещены на полках библиотечной экспозиции, посвященной юбилею поэта.

На протяжении всего мероприятия звучат фортепианные пьесы, написанные самим Пастернаком, музыка А. Скребины - любимого композитора поэта, песни на стихи Пастернака в исполнении А. Пугачевой «Свеча», С. Никитина «Никого не будет в доме», аудиозапись спектакля «Гамлет» с участием В. Высоцкого.

Всем читателям, пришедшим в библиотеку, раздаются открытки со стихами поэта с пожеланием прочесть их у выставки, посвященной творчеству Б.Л. Пастернака

Разговор о творческом наследии поэта идет во всех библиотечных зонах: в зале отраслевой литературы читатели старшего возраста участвуют в импровизированной дискуссии

о драматической судьбе романа «Доктор Живаго», молодые читатели знакомятся с CD - презентацией «Фотоархив семьи Б. Пастернака».

Ведущий 1: Писатель, о котором мы будем говорить и чьи стихи будут звучать сегодня в течение всего дня, - Борис Пастернак, крупнейший лирик 20 века. Пастернак родился в Москве 10 февраля 1890 года в интеллигентной семье.

Отец поэта - художник Леонид Пастернак, иллюстратор романов Л. Толстого, был человеком, близким Рахманинову, Менделееву. Мать поэта была профессиональной, одаренной пианисткой.

С первых своих шагов в поэзии Пастернак обнаружил особый почерк, особый строй художественных средств. Много в его поэзии ошеломляет. Ставит в тупик. Любое явление поэт стремится, словно бы захватить врасплох, стремится «поймать живое».

Пастернак в поэзии – живописец. Его стихи - живое письмо. Живое – имеющее цвет, вкус, звук. Недаром как заклинание произносит поэт, убеждая себя и других:

Но быть живым, живым и только
Живым и только – до конца

Лучшие строки Бориса Пастернака несут на себе отблеск редкостной проникновенности, озаренности:

Февраль. Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною черною горит.

А «намокшая воробушком сиреневая ветвь»? Кажется, и сегодня она готова брызнуть на страницу каплями летнего ливня, опьянить ароматами лиловых соцветий.

Много стихотворений у Пастернака посвящено природе. Поэтическое внимание поэта приковано к веснам и зимам, к

солнцу, снегу, к дождю. И во всем этом - благоговение перед чудом жизни, чувство благодарности к ней. Тютчевское удивление перед природой не оставляло поэта до самой кончины. Как бурно и самозабвенно, неистово и щедро поэт описывает весну в любимом Переделкино!

(на фоне музыки Рахманинова звучит стихотворение «Ручей» в исполнении чтецов)

Ведущий 2: Вспомним биографию и основные вехи творческого пути мастера. Б. Пастернак учился в классической гимназии и на философском отделении историко-филологического отделения Московского университета.

Весной 1912 г. он едет в Марбург, где занимается философскими дисциплинами. И только после возвращения из Германии, оборвав занятия музыкой и философией, осознает себя исключительно поэтом.

Ведущий 1: Первые стихи Пастернака датированы 1913 годом. 1914 год - выпущен первый сборник стихов «Близнец в тучах», который характеризует его как последователя футуристического направления в русской поэзии начала 20 века.

Творческий подъем нахлынул в 1917 - 1918 гг., когда поэт издает свою книгу «Темы и вариации». В 30-е годы он становится известен в литературном мире, во многом благодаря сборнику стихов «Поверх барьеров», многие стихи из которого посвящены знаковым фигурам русской литературы: А. Ахматовой, М. Цветаевой, В. Брюсову.

В 1931 году Б.Л. Пастернак отправляется в Грузию, где состоялось его знакомство с поэтом Т. Табидзе и его семьей. Эти люди будут сопровождать поэта на всем протяжении его жизни, в самые трагические минуты вплоть до последнего дыхания.

(Звучит аудиозапись стихотворения Т. Табидзе «Не я пишу стихи...» в переводе Б. Пастернака в исполнении грузинского актера С. Закариадзе)

Ведущий 2: С 1956 г. Б. Пастернак живет и творит в Подмоскowie, в Переделкино. Сохранилось множество воспоминаний об этом периоде жизни поэта. Одни из лучших принадлежат его ученику, поэту Андрею Вознесенскому. Это книга «Мне 14 лет». Вознесенский вспоминает, какое впечатление на него произвел облик поэта и его манера чтения своих стихов:

«Все поплыло передо мной. На меня глядело удивленное удлинено-смуглое пламя лица. Какая-то оплывшая стеариновая вязаная кофта обтягивала его крепкую фигуру. Ветер шевелил челку. Он стоял на сквозняке двери. Губы сфинкса. Короткая седая стрижка. Но главное - это плывущая волна магнетизма. «Он, сам себя сравнивший с конским глазом».

«По мере того, как я слушал Пастернака, все становилось стихами. Глуховатый голос разжигал слова, а строка вспыхивала, как цепочка уличных фонарей. Он произносил слова ритмично и глухо, почти без жестов. Как Орфей, он превращал в поэзию окружающий мир» (А. Вознесенский, «Мне четырнадцать лет»).

Ведущий 1: В 1946 году поэт начинает работу над своим главным произведением - романом «Доктор Живаго». Замечательные произведения всегда современны, нужны каждой новой эпохе как приток свежего воздуха. Но они почти всегда оказываются не к месту в рамках официальных пропагандистских компаний.

Поэтому, видимо, был не понят и не принят в свое время роман «Доктор Живаго». В романе есть строка, определяющая, пожалуй, суть его: «Отдельная человеческая жизнь стала божьей повестью, наполнив своим содержанием пространство вселенной. Время может быть хуже или лучше. Но ты, человек, должен быть только лучше. И это всегда можно, даже в катастрофе гражданской войны и в концлагере».

Об этом и роман.

Ведущий 2: С 1946 г. Пастернак неоднократно выдвигался на Нобелевскую премию в области литературы.

В 1958 г. она ему была присуждена, и в это время начался беспрецедентный скандал, в который включилась литературная элита СССР, и те, кто вообще роман даже и читали. Поэт через неделю угроз и травли был вынужден отказаться от премии (звучит стихотворение «Нобелевская премия» в исполнении чтецов).

Ведущий 1: Нелегкая действительность, политический скандал вокруг романа «Доктор Живаго», непростая ситуация в семейной жизни (история взаимоотношений с Ольгой Ивинской) - все это наложило отпечаток на мировосприятие и здоровье поэта. С начала 1960 года Пастернак стал чувствовать себя хуже. 30 мая 1960 года поэт скончался.

(Звучит музыка А. Скрябина, на фоне музыки идут воспоминания А. Вознесенского о похоронах поэта в Переделкино).

Ведущий 2: «Хоронили его 2 июня. Его несли на руках, несли от дома, пристанища его жизни, огибая знаменитое поле, любимое им, несли к склону под тремя соснами, в который он сам вглядывался когда-то. Дорога шла в гору. Был ветер. Летели облака. Деревья вышли из оград».

Чтение стихов по кругу и интерактивная игра

Участники мероприятия берут сборники стихов Пастернака. Читают сидя, подходят в выставке и читают рядом с портретом поэта, театрализуют чтение, используя мизансцены.

Звучат стихи: «Марбург», «О, знал бы я, что так бывает», «Август», «Я кончился, а ты жива», «Февраль», «Свеча», «Гамлет», «Во всем мне хочется дойти до самой сути», «Любить иных - тяжелый крест», «Нобелевская премия» и др.

Ведущий 2: Нас всех друг другу посылает Бог.

На горе иль на радость - неизвестно.
Пока не проживем циклический срок.
Пока мы не ответим свой урок
И не сдадим экзамен жизни честно...
Мы все друг другу до смерти нужны.
Хоть не всегда полезность очевидна.
Не так уж наши должности важны.
И не всегда друг к другу мы нежны -
Бывает и досадно... и обидно...
Как знать: зачем друг с другом мы живем?..
Что вместе держит нас... соединяет?..
По жизни мы идем... и день за днем
Себя друг в друге лучше узнаем
И шляпу перед зеркалом снимаем...
Нас манит даль непройденных дорог.
А друг в дороге - радость и подмога.
И не сочтем высокопарным слог:
Нас всех друг другу посылает Бог.
И слава Богу - нас у Бога много...

Ведущий 1: Сегодня творчество Б. Пастернака как бы растворено в пространстве нашей библиотеки. И мы предлагаем вам поучаствовать в интерактивной игре «Путешествие в страну Пастернака». С помощью карты-схемы найдите в фондах в библиотеки ответы на вопросы:

1. В 1958 г. Пастернаку была присуждена Нобелевская премия в области литературы. В нашей библиотеке есть книга обо всех Нобелевских лауреатах. Найдите эту книгу (справочный фонд)

2. «Люди и положения». Этот биографический очерк был написан в 1956 г. Как предисловие к сборнику стихов, но так и не был опубликован из-за начавшейся травли поэта. Найдите этот очерк в книге: «Пастернак Б.Л. Избранное. Книга 2.- 1991».

(книжная выставка, посвященная Б. Пастернаку)

3. «Век Пастернака». Так назывался вышедший к 100 — летнему юбилею поэта номер «ЛГ - Досье» (приложение к «Литературной газете»). Найдите папку с ксерокопией этой газеты (раздел «литературоведение»)

4. Все знают прекрасный цикл песен М. Таривердиева к фильму «Ирония судьбы», в том числе и на стихи Б. Пастернака. Найдите CD с записью песни на стихи Пастернака «Никого не будет в доме» в нашей медиатеке. (коллекция электронных материалов)

Победители интерактивной игры награждаются призами от библиотеки

Ведущий 2: Поэзия Б. Пастернака, к которой мы сегодня приобщились, утверждает жизнь как высшую ценность. Его поэзия обнимает все: людей и природу, судьбы человеческие и исторические события, христианское понимание любви и долга.

Поэзия Пастернака учит слушать и слышать стих, учит полной самоотдаче не только поэта, но и нас, его почитателей.

Литература:

1. Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. Стихотворения.- М.: Эксмо, 2008. (Сер. «Библиотека всемирной литературы»)
2. Б. Пастернак. Биография в письмах/Сост. Е.В.Пастернак, Е.Б.Пастернак.- М.: Арт - Флекс, 2000.
3. Бабаев Э.Г. Воспоминания.-СПб: Инапресс, 2000.
4. Вознесенский А. Мне четырнадцать лет.- М.:Советский писатель,1987.
5. Герштейн Э.Г. Мемуары /Ред.Н.Кононов.-СПб: Инапресс.- 1998.
6. Иванова Н.Б. Борис Пастернак: участь и предназначение: Биографическое эссе. - СПб: Блиц.- 2000.

Сценарий разработан Ольгой Ивановной Урядовой,
специалистом по работе со СМИ ТБК.

**МИХАИЛ
АЛЕКСАНДРОВИЧ
ШОЛОХОВ**
(1905-1984)

**РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ,
ПОЛУЧИВШИЙ НОБЕЛЕВСКУЮ
ПРЕМИЮ ПО ЛИТЕРАТУРЕ (1965):**

*«За художественную силу и цельность
эпоса о донском казачестве в переломное для России
время».*

Вторая половина литературного XX столетия прошла под знаком вопроса: кто написал «Тихий Дон»? Хотя любой школьник знал ответ - Михаил Шолохов. Многочисленные статьи, похожие на судебные разбирательства, книги, телевизионные выступления пытались доказать этому самому «школьнику», что это не так. Громкая шумиха вокруг «Тихого Дона» приобрела детективные черты и превратилась в одну из самых скандальных историй века.

Почему авторство Михаила Шолохова вдруг подверглось сомнению? Это случилось не вдруг. Впервые слухи и намеки на «подлог» возникли в 1928 году, когда журнал «Октябрь», начиная с январского номера, опубликовал первые две книги «Тихого Дона». Они сразу принесли Михаилу Шолохову всероссийскую и международную известность. Сомнения не было - мировая литература пополнилась еще одной великой книгой.

Изумление, а за ним подозрение вызвал возраст автора - Михаилу Шолохову к моменту публикации первой книги «Тихого Дона» было всего двадцать два года, а вторую он

закончил в двадцать три. Казалось, откуда у совсем молодого человека такая зрелость суждений и столь блестящее владение литературной формой. Принять это как чудо феноменального таланта или Божье вдохновение не могли. В молодой советской стране ни в чудеса, ни в Бога не верили. Возникла версия о некоем белом офицере, который якобы на дорогах Гражданской войны написал и затем потерял рукопись книги, а Шолохов нашел и «присвоил».

Под высочайшим руководством Марии Ильиничны Ульяновой была создана специальная комиссия, куда Михаил Шолохов, как провинившийся школяр, должен был представить свои черновики «Тихого Дона». Он их представил. Все подозрения тут же рассеялись.

«Всякий, даже не искушенный в литературе читатель, знающий ранее изданные произведения Шолохова, может без труда заметить общие для всех его ранних произведений и для «Тихого Дона» стилистические особенности, манеру письма, подход к изображению людей», - констатировали в открытом письме А. Серафимович, Л. Авербах, В. Киршон, А. Фадеев и В. Ставский («Правда», 29 марта 1929 года).

В 1965 году, после присуждения Михаилу Шолохову Нобелевской премии, старые слухи всплыли, видимо, на волне чьих-то неутоленных амбиций. Тут уже выступила «тяжелая артиллерия» - сенсационные книги и статьи, отказывающие Шолохову в авторстве. Некоторые аргументы представляются настолько наивными, что кажутся злоумышленными. Например: почему Шолохов ничего больше не создал на уровне «Тихого Дона»? В качестве контраргумента можно привести исторические аналогии.

Франсуа Рабле, например, называли «мужем единой книги» - «Гаргантюа и Пантагрюэля»; Сервантес прославился как автор «Дон Кихота», Джонатан Свифт ничего другого на уровне «Путешествий Гулливера» не написал и т.д.

Однако главным аргументом «плагиата» Шолохова выдвигалось отсутствие рукописи «Тихого Дона» (была утрачена во время Великой Отечественной войны).

На исходе 1999 года произошла настоящая сенсация, названная событием мирового значения, - в Москве была найдена рукопись «Тихого Дона»! Ее исчезновение и поиски «тянут», пожалуй, на одну из самых детективных историй конца второго тысячелетия. Но обо всем по порядку.

Михаил Александрович Шолохов появился на свет 11 (24) мая 1905 года на хуторе Кружилине Донецкого округа Области Войска Донского (ныне Шолоховский район Ростовской области). При рождении он получил фамилию Кузнецов. Ему как сыну казака был выделен казачий пай земли и предоставлены все казачьи привилегии.

Так, уже с загадки, началась биография писателя: почему Кузнецов? Разгадка – в романтической истории его родителей. Мать Шолохова, Анастасия Даниловна Черникова, из черниговских крестьян, сирота, до замужества служила горничной у помещицы в станице Вешенской и была выдана насильно замуж за казака-атаманца.

Кузнецова Она оставила его, полюбив Александра Михайловича Шолохова. К казачеству он не принадлежал, был родом из Рязанской губернии и часто менял занятия - подрабатывал «шибаем» (скупщиком скота), выращивал хлеб на арендованной у казаков земле, служил приказчиком на коммерческом предприятии, а в советское время заведовал Каргинской заготовительной конторой Донпродкома

Их сын Михаил, появившись на свет незаконнорожденным, был записан на фамилию официального мужа матери. Только после смерти Кузнецова в 1912 году Анастасия Даниловна и Александр Михайлович смогли обвенчаться Михаил был «усыновлен» настоящим отцом, получил фамилию Шолохов и стал числиться «сыном мещанина» (некоторые приметы этой истории отражены в рассказе «Нахаленок»).

Александр Михайлович и сам любил читать, и единственного сына рано приобщил к книгам. На его учебу денег не жалел. С шести лет мальчика обучал грамоте сельский учитель Тимофей Тимофеевич Мрыхин. В 1912 году

Михаил поступил в Каргинское приходское училище в класс Михаила Григорьевича Копылова, впоследствии увековеченного в «Тихом Доне» под своей фамилией.

В 1914 году отец повез сына в Москву лечиться (болезнь глаз) и устроил в Снегиревскую больницу, куда попадет с фронта и герой Шолохова Григорий Мелехов.

В Москве Михаил поступил в подготовительный класс гимназии имени Григория Шелапутина, а в 1915 году был переведен в мужскую гимназию придонского городка Богучары, где успел окончить только четыре класса.

«Поэты рождаются по-разному, - спустя много лет говорил Шолохов. - Я, например, родился из гражданской войны на Дону». Действительно, отрочество и юность будущего писателя прошли в эпицентре русской междоусобицы. В годы гражданской войны он жил под белым казачьим правительством, видел входящую в Богучары немецкую кавалерию, жестокие схватки белых и красных, наступающую Красную Армию, вешенское контрреволюционное восстание, бегство повстанцев...

В 1920 году советская власть окончательно установилась на Дону. Семья Шолоховых осела в станице Каргинской. Пятнадцатилетний Михаил был «брошен» на ликвидацию неграмотности среди взрослых хуторян, вел перепись населения, служил в станичном ревкоме, работал учителем начальной школы, делопроизводителем заготовительной конторы... После окончания ростовских налоговых курсов получил назначение на должность продовольственного инспектора в станицу Букановскую, затем вступил в продотряд и вместе с ним колесил по хуторам, добывая хлеб по продразверстке...

Молодая советская власть, как умела, вела свою агитацию. Не избежал революционного энтузиазма и юный Шолохов: участвовал в рукописной газете «Новый мир», играл в спектаклях Каргинского народного дома и, надо сказать, пользовался большим успехом как комический актер. Поначалу там ставились пьесы Александра Островского,

Чехова, но жизнь требовала «новых песен», и Михаил Шолохов, впервые взявшись за перо, сочинил несколько пьес анонимно - «Генерал Победоносцев» (бегство белых и торжество красных), «Необыкновенный день» (о советском Митрофанушке).

Поздней осенью 1920 года в верховьях Дона появились вооруженные группы борцов с новой властью, вспыхнули мятежи. В станицу Кургинскую вошли махновцы, зверски убили продкомиссара, а Михаила Шолохова взяли в плен. Его допрашивал сам Нестор Махно, и Михаил вполне мог разделить участь комиссара. Дело, однако, обошлось.

«Батька» пригрозил подростку виселицей, если встретит его еще хотя бы раз, на том и отпустил. Вспоминая то время, Шолохов писал: «Гонялся за бандами, властвовавшими на Дону до 1922 года, и банды гонялись за нами».

В 1922 году, во время работы по продразверстке, Шолохов был приговорен к расстрелу - уже красными. «Я вел крутую линию, да и время было крутое; шибко я комиссарил, был судим ревтрибуналом за превышение власти... - рассказывал позже писатель. - Два дня ждал я смерти... А потом пришли и выпустили... Жить очень хотелось». И здесь Бог не выдал. Расстрел был заменен условным сроком наказания - трибунал принял во внимание несовершеннолетие «комиссара».

Все кровопролитные события на «тихом» Дону были пережиты Шолоховым до восемнадцати лет - он не только все видел, но во многом участвовал, несколько раз пережил смерть, которая была «отложена» лишь в последнюю минуту. Такой эмоциональной силы опыт не даст никакой возраст. Теперь оставалось «Тихий Дон» написать. В октябре 1922 года Михаил Шолохов уехал в Москву учиться.

Поступить в столице на рабфак ему не удалось - он не имел для этого комсомольской путевки, поскольку не был комсомольцем. Работал грузчиком, мостил дороги с артелью каменщиков, служил счетоводом... Тогда-то, по его словам, и появилась «настоящая тяга к литературной работе». С 1923

года Михаил Шолохов начал посещать собрания и семинары литературной группы «Молодая гвардия», свел знакомство с молодыми писателями - Артемом Веселым, Михаилом Светловым, Юрием Либединским, Василием Кудашовым и др., пробовал себя в популярном революционном жанре - фельетонах, ряд из них опубликовал за подписью М. Шолохов, однако вскоре перешел к рассказам. «Никакой я не газетчик. Нет хлесткой фразы... нет оперативности... у меня потребность изобразить явление в более широких связях - написать так, чтобы рассказанное вызывало в читателе думу», - в этом признании не трудно обнаружить природное «романное мышление» Шолохова.

В конце 1923 года Михаил Шолохов уехал на Дон, где обвенчался с Марией Петровной Громославской, а в следующем году вернулся в Москву. Первый рассказ «Звери» (впоследствии «Продкомиссар»), посланный Шолоховым в альманах «Молодогвардеец», не был принят редакцией: «ни нашим, ни вашим». Наконец 14 декабря 1924 года в газете «Молодой ленинец» вышел рассказ Шолохова «Родинка», открывший цикл донских рассказов: «Пастух», «Илюха», «Жеребенок», «Лазоревая степь», «Семейный человек», «Смертный враг», «Двумужняя» и др. Они были опубликованы в комсомольской периодике, а затем составили три сборника, вышедшие один за другим: «Донские рассказы», «Лазоревая степь» (оба - 1926) и «О Колчаке, крапиве и прочем» (1927). «Донские рассказы» еще в рукописи прочел маститый земляк начинающего писателя - Александр Серафимович. Он написал к сборнику предисловие, где восторженно приветствовал молодого «желтоклювого орелика».

Главная дума Михаила Шолохова, объединявшая первые произведения, касалась Гражданской войны, которая размежевала не только Дон, но и казачьи семьи.

Еще во время работы над «Донскими рассказами» у писателя возник замысел крупного произведения «Донщина» о корниловском мятеже и участии казаков в походе на Петроград, а шире - о судьбах казачества в революции. В

конце 1925 года Шолохов возвратился на родину и навсегда поселился в станице Вешенской. Там он приступил к работе над задуманным романом, но вскоре отложил его.

В конце 1926 года Михаил Шолохов начал свою главную книгу - «Тихий Дон». Поездки по донским хуторам, беседы со старожилами, работа в архивах Ростова - «материал и природа», как говорил писатель, были под руками. «В мою задачу входит... показать различные социальные слои населения на Дону за время двух войн и революции... - писал Шолохов, объясняя свой замысел. - Проследить за трагической судьбой отдельных людей, попавших в мощный водоворот событий, происходивших в 1914-1921 годах».

Первая книга «Тихого Дона» была закончена весной 1927 года, а вторая - осенью (в нее вошли фрагменты из «Донщины»). После их публикации в журнале «Октябрь» (1928, № 1-10) стало ясно, что в молодую советскую литературу вошел писатель мирового значения. Этому писателю было всего двадцать три года, и о нем пятидесятилетний Луначарский, получивший образование в Европе, почтительно писал: «Еще не законченный роман Шолохова «Тихий Дон» - произведение исключительной силы по широте картин, знанию жизни и людей, по горечи своей фабулы. Это произведение напоминает лучшие явления русской литературы всех времен». В своей манере приветствовал появление нового писателя Горький: «Шолохов, судя по первому тому, талантлив... Очень анафемски талантлива Русь».

Третью книгу «Тихого Дона» «Октябрь» начал печатать в 1929 году прямо из-под авторского пера (работа над ней шла с 1929 по 1931 год), но публикацию несколько раз приостанавливали - критики РАППа обвиняли писателя в оправдании контрреволюционного Верхне-Донского восстания казаков, о котором шла речь в этой части.

Шолохов стремился показать трагедию каждой из противостоящих сторон в Гражданской войне. «Я описываю борьбу белых с красными, а не борьбу красных с белыми», -

объяснял он свою логику в изображении восстания с позиции восставших.

Ему предлагали идеологическую корректировку событий, на что писатель пойти не мог.

Приходилось Шолохову оправдываться и за идейные «шатания» главного героя: «...не один Григорий Мелехов и не десятки Григориев Мелеховых шатались до 1920 года, пока этим шатаниям не был положен предел. Я беру Григория таким, каков он есть, таким он был на самом деле... от исторической правды мне отходить не хочется».

Кстати, до нашего времени дошла такая байка о Шолохове (среди множества баек и анекдотов о нем, подтверждающих лишь то, что писатель был мифологизирован еще при жизни как народный герой):

«Однажды в компании Стецкий сказал, что Григорий Мелехов - настоящая контра.

Шолохов не отреагировал. Стецкий не унимался.

- Ты, Шолохов, не отмалчивайся!

- Ответить вам как члену ЦК или лично?

- Лично.

Шолохов подошел к Стецкому и дал ему пощечину. На следующий день Шолохову позвонил Поскребышев:

- Товарищ Сталин интересуется, правда ли, что вы дали Стецкому пощечину?

- Правда.

- Товарищ Сталин считает, что вы поступили правильно».

Эта байка, судя по всему, имеет исторические корни. В июне 1931 года Шолохов встретился со Сталиным на даче Горького под Москвой. После их разговора судьба третьей книги «Тихого Дона» была решена положительно - она пошла

в печать без исправлений. Почти одновременно с ней Шолохов начал публиковать первую книгу «Поднятой целины» в журнале «Новый мир». Существует мнение, что эта книга о коллективизации была написана по сталинскому заказу в обмен на пропуск в печать третьей книги «Тихого Дона» - о Верхне-Донском восстании. Однако документальных подтверждений этому нет. (Рукопись второй книги «Поднятой целины» пропала во время войны, и Шолохов писал ее «заново и по-новому» с 1951 по 1960 год.)

Четвертая, завершающая, книга «Тихого Дона» была дописана почти через десять лет после двух первых и в 1940 году вышла в сдвоенном номере «Нового мира». За роман «Тихий Дон» Шолохову была присуждена Сталинская премия 1-й степени, хотя писатель так и не сделал Григория Мелехова большевиком, храня верность трагической правде истории - «Судьба Мелехова показывает, что народ воевал и на стороне красных и на стороне белых» (Петр Палиевский).

В день начала Великой Отечественной войны Михаил Шолохов перечислил свою премию за роман «Тихий Дон» в Фонд обороны страны, а в июле 1941-го ушел на фронт.

Работал в Совинформбюро, был военным корреспондентом «Правды» и «Красной звезды», участвовал в боях под Смоленском на Западном фронте, под Ростовом на Южном фронте. В рассказе «Судьба человека» - вершинном произведении послевоенного периода - Шолохов показал лучшие черты русского национального характера в образе Андрея Соколова, благодаря которым Россия сумела одержать победу.

Огромный архив и библиотека Михаила Шолохова пропали в Вешенской во время войны. Хотя немцам не удалось форсировать Дон, но они бомбили Вешенскую из артиллерийских орудий. Бомбы попали прямо в дом Шолохова, где погибла мать писателя, а его рукописи разметало взрывом по улице. Сохранилось всего 140 разрозненных листов черновой рукописи третьей и четвертой книг «Тихого Дона» - их подобрала красноармейцы.

Исчезли бесследно и рукописи первых двух книг романа - те самые, которые Шолохов представил высокой комиссии в 1929 году, защищая свою писательскую честь. Для него это была тяжелая утрата, особенно ощутимая после получения Нобелевской премии, когда снова всплыла проблема авторства «Тихого Дона». Интерес к ней был подогрет книгой И. Медведевой-Томашевской (Париж, 1974) с предисловием и послесловием Александра Солженицына. Прокатилась волна соответствующих публикаций по страницам российской периодики и во времена перестроечных «сенсаций»...

4 декабря 1999 года «Российская газета» опубликовала статью директора Института мировой литературы имени А. М. Горького (ИМЛИ) Феликса Кузнецова «Кто держал Михаила Шолохова в заложниках?». В ней сообщалось, что ИМЛИ удалось разыскать и приобрести считавшиеся утерянными рукописи первой и второй книг «Тихого Дона»: «В рукописи 885 страниц. Из них 605 написаны рукой М. А. Шолохова, 280 страниц переписаны набело рукой жены писателя Марии Петровны Шолоховой и, видимо, ее сестер; многие из этих страниц содержат правку М.А. Шолохова. Страницы, написанные рукой М.А. Шолохова, включают в себя черновики, варианты и беловые страницы, а также наброски и вставки к тем или иным частям текста».

В этой статье Феликс Кузнецов подробно описал десятилетнюю историю поиска рукописей, которая далее кратко изложена с его слов. ИМЛИ приступил к розыску рукописей после решения об издании академического собрания сочинений Михаила Шолохова. След привел ученых в семью Василия Кудашова. С ним Шолохов подружился еще в начале своей литературной деятельности и с тех пор, приезжая в Москву, останавливался в его доме. У него же были оставлены рукописи первых двух книг «Тихого Дона». Во время войны Василий Кудашов погиб. Сохранились его письма с фронта, в которых он просил свою жену Матильду Емельяновну вернуть рукописи Шолохову. В военное время они не встретились, а после войны вдова Кудашова сообщила

шолоховедам, что рукописи пропали во время многочисленных переездов с квартиры на квартиру.

С 1990 года в московских периодических изданиях начали появляться статьи журналиста Льва Колодного, из которых явствовало, что он имеет доступ к рукописям «Тихого Дона», которые считались утерянными. В 1995 году вышла его книга «Кто написал «Тихий Дон». В ней Лев Колодный рассказал о том, как ему удалось отыскать рукописи, а также выступил в защиту авторства Шолохова. Однако сотрудникам ИМЛИ имя владельца рукописей журналист не открыл, предложив свои услуги в качестве посредника между ИМЛИ и анонимным владельцем для покупки рукописи. Он назвал и цену - 50 тысяч долларов, а спустя месяц, сославшись на тяжелую болезнь хозяйки рукописи и необходимость лечения за рубежом, - 500 тысяч долларов. Таких денег у института, лишенного государственной поддержки, не было

Через несколько лет ниточка снова привела ученых в семью Кудашовых. К тому времени вдова Кудашова умерла, а ее дочь сказала, что все переговоры с Колодным вела мать, поэтому ей о рукописи ничего не известно. Через два года ушла из жизни и она. Детей у нее не было, а тайна завещания не позволяла узнать имя наследника. Журналист хранил молчание. Когда несколько страниц из шолоховской рукописи объявились за рубежом, ученые, опасаясь, что там же окажется и вся рукопись, обратились в официальные органы.

С помощью Министерства внутренних дел фамилия и адрес наследника были установлены. По телефону сотрудники ИМЛИ договорились с ним о встрече. Далее предоставим слово Феликсу Кузнецову: «Первую встречу мы провели вместе с заведующим отделом новейшей русской (в прошлом советской) литературы А.М. Ушаковым. Да, рукопись цела, но что делать с неожиданно свалившейся на голову рукописью? Мы советуем из патриотических побуждений и уважения к памяти М.А. Шолохова подарить рукопись ИМЛИ, в крайнем случае, продать ее нам, но, конечно же, не за фантастическую цену, которая называлась прежде, а за

реальную, которую в силах заплатить академический институт».

Так Институт мировой литературы приобрел рукописи Михаила Шолохова. В один из последних дней уходящего тысячелетия они были выставлены в зале Союза писателей России, где по этому случаю проводилась конференция, и каждый скептик, впрочем, как и оптимист, мог увидеть на больших пожелтевших листах текст, написанный четким каллиграфическим почерком великого писателя, со множеством поправок, зачеркиваний, вставок на полях... Словом, всю ту титаническую работу, которая предшествует появлению шедевра. Вот уж действительно: «Рукописи не горят».

В последние годы Михаил Шолохов работал над романом «Они сражались за Родину» (остался незавершенным). Станица Вешенская стала местом паломничества. В гостях у Шолохова бывали посетители не только со всех уголков России, но со всех концов света. Английский писатель Чарлз Сноу, не раз гостивший у Шолохова в станице, писал о нем в эссе «Тихий Дон» - великий роман». «Шолохов обладает замечательным остроумием, какого я не встречал ни у кого больше, - тонким и язвительным в одно и то же время. Он наделен также редкостным чувством юмора, столь ценным во взаимоотношениях между людьми... Он не слишком жалуется любопытствующих чужаков, льстецов и подхалимов... Он не любит салонной литературы - по отношению к ней он нетерпим. Но когда дело касается подлинной беды, вы не обнаружите и следа нетерпимости с его стороны...»

Михаил Александрович Шолохов ушел из жизни 21 февраля 1984 года и погребен в станице Вешенской - на крутом берегу своего тихого Дона.

Автор: Любовь Калюжная

«В гости к Шолохову»
(Театрализованная программа с викториной
по произведениям писателя)

Ведущий 1: У каждого человека на Земле есть самый дорогой сердцу уголок.

Ведущий 2: Люблю свой край, простор родимый, Станицы, рощи, хутора, Широкий Дон, ковыль, гонимый Низовым ветром. До утра. Вокруг простор степи бескрайней, Весь зеленеющий в цветах, И аромат необычайный В глубоких тает небесах.

Ведущий 1: Донская степь... Она осталась в своем первозданном виде лишь в балках да буераках, на каменистых буграх и увалах. Среди бескрайних полей едва приметные сторожевые курганы — молчаливые свидетели минувших веков. Если взойти на один из таких курганов, перед глазами открывается неоглядная ширь Обдونها.

Медленно и величаво пересекает Тихий Дон аквамариновую зелень поймы. Поэтому и называется наш край Землей Донской.

Ведущий 2: А степь зовется шолоховской.

Одухотворенная гением художника, древняя казачья земля открыла миру кладези невиданной красоты. Словно столетиями томилась здесь сокрытая от человеческого глаза поэзия. И впервые со времен «Слова о полку Игореве» страстным голосом нового певца разбужена степь. Она задышала широко и вольно, с исполинским размахом, изумляя величием красок.

Картина 1.

Корреспондент: Да, красивые места! Был я там не однажды. Первый раз попал на берега Тихого Дона по заданию

редакции, чтобы рассказать читателям о Шолохове, а потом не раз возвращался по велению сердца. Появились у меня и друзья, особенно среди стариков. Кто, как Не они, много знает и рассказать может, только слушать их некому...

Помню, как-то летней порой остался я ночевать в хуторе Черновском, что неподалеку от Вешек, у своего давнего знакомого мельника. Мы сидели с ним на сухой поваленной буреломом вербе, беседовали о жите-бытье, когда к нам подошел щуплый старичок.

Появляется старик, кланяется, садится рядом.

Мельник: Откуда это ты, Макарыч!

Старик: Из Вешек.

Мельник: Али от Шолохова?

Старик: От него самого.

Мельник: Какая нужда носила?

Старик: Нужда не нужда, а у каждого человека свое горе случается, свои думки наплывают, а он, Лександрыч, против каждого горя слово имеет.

Корреспондент: Что же это за слово?

Старик: Оно волшебное. Ты видел дуб-то, что у Зыбучего Бугра? Эге, паря, это не простой дуб. Он бессмертный. Ему столько веков, сколько воды унес в море Тихий Дон-батюшка. Он все слышит, все чувствует, где что делается, — корни его по всей земле расплелись. Он и видит все — голова его под самыми облаками. Много добра и зла повидал он за свою жизнь, много мудрости набрался, потому и стал бессмертным. Хочешь, мил-человек, расскажу тебе о дубе том сказку-быль, а ты — хочешь верь, хочешь — не верь.

Корреспондент: Расскажи...

Старик (вздыхая): О-хо-хо. Давно это, паря, было. Гуляли в ту пору по Дону отбившиеся от белых и не приставшие к красным банды. Житья от них мирному люду не было. Со-

брался тогда из трудового люда отряд — и навстречу банде. Сошлись на Зыбучем Бугре, шашки скрестили. Да так, что остался от отряда того один-одинешенький молодой боец, парнишка лет 15. Чудом, стало быть, уцелел. Пошел он к дубу, сел под ним и обхватил голову руками. Слышит, дуб что-то шепчет, спрашивает:

— Что ты приуныл, паря, какие у тебя думки в голове?

— Командира моего зарубили бандиты, весь наш отряд уничтожили. Как теперь могу я своему бедному люду помочь?

И тогда еще ниже склонился дуб своими ветвями к парнишке, зашептал:

— Вижу, мать дала тебе хорошее, доброе сердце, светлый ум, а я тебе дам волшебное слово. Бери его и неси людям. Для врага оно будет страшнее шашки и длиннее пики, для друзей — студеным родником, игристым донским вином, что бодрит сердце и утоляет жажду. С тех пор и стал приходить парнишка к тому дубу. Я сам видел его там однажды. Иду по тропинке, слышу: шепчет, шепчет дуб, а под ним — Он. А еще сказывают, повстречался он под тем дубом с прохожим каким-то. Присели, значит, закурили, помолчали. Вот прохожий и спрашивает:

— Не признаешь, Лександрыч?

А он плечами пожимает, нет, мол, не признаю.

— Да где уж, — говорит прохожий, — вон сколько с тех пор воды утекло в Дону! Давно уже заметелило мой черный чуб, да и твоя головушка ковылем зацвела.

И тут Лександрыч признал прохожего. Обнялись они, поцеловались по обычаю. Опять закурили.

— Спасибо тебе, Лександрыч, за правдивое слово, описание моей крученой жизни, — говорит прохожий, — только не на том месте точку ты поставил. Я ведь еще послужил на-роду, России. Грехи свои кровушкой смыл.

И тут прохожий снял с дубового сука свой китель, а на нем рядом с Егорьевскими крестами — ордена и медали за Победу над лютым Гитлером. Вот оно как обернулось...

Вразумел?

Корреспондент: За кого же он больше был, за наших или за белых?

Старик: Дык ить они все наши — и красные, и белые. За Россию свободную он воевал, за вольное казачество.

Корреспондент: Видно, в самом деле подарил Шолохову дуб-великан свою тайну, слово волшебное, которое проходит через сердца людей.

Нет, пожалуй, ни одной страны мира, где бы произведения донского писателя не издавались и не производили ошеломляющего впечатления. Сказать только: произведения Шолохова знают в Европе и США, в странах Латинской Америки, в Китае, Индии, Японии.

Вот и не верь после этого легендам.

А дуб, он и сейчас стоит, «свидетель» событий, происходящих на Дону. Ему, как считают лесоводы, около 400 лет. Высота его 23 м, а окружность — почти 7. Уникальное дерево взято под охрану государства. А местные энтузиасты-краеведы огородили ствол дерева частоколом и на металлическом щитке вывели: «Памятник природы». Мечтательно,

Да! Хорошо бы посидеть в лодочке на воде, поговорить о рыбалке, о том, что ловили раньше и что сейчас ловится... Макарыч, а правду говорят, что Шолохов рыболов заядлый был?

Старик: И рыболов, и охотник. Ты в музее-то бывал, в доме том, где он книги свои первые писал? Там теперь собрали его охотничьи и рыболовные снасти. Шолохов, он-то дожил до времени нынешних лесок, тонких и прочных, но до войны

ловил на лески, связанные из конского волоса или сплетенные из 12-ти катушечных ниток, на сазанов.

Лишнего ловить не любил, но однажды за утро вытащил дюжину сазанов. И крупных.

Разводит руки, показывая размер рыбы.

Ловил он стерлядь и судаков, но сазаны были его любимой добычей. Особо крупных взвешивал на безмене. Рекордная его добыча — сазан в 25 кг!

Появляется Маланья Васильевна, дородная казачка.

Маланья Васильевна (укоризненно): Ой, Макарыч, опять хвастаешь; человек с дороги устал, а ты... (Обращаясь к корреспонденту.) — Пойдемте лучше в курень, его (машет на старика рукой) не переслушаешь.

Старик: Что ж ты, Маланьюшка, нам разговор прерываешь, человек же интересуется.

Маланья Васильевна: А вот пойдемте за стол, там и договорите.

Картина 2.

Комната. Накрытый стол. Маланья Васильевна угощает гостей.

Маланья Васильевна: Кушайте, гости дорогие! Вот картошка разварная с укропом, вот помидоры-огурцы — все со своего огорода. Лапша куриная да каша кабачная; вот барашек жареный, попробуйте! А потом чай будем пить с медом. (Нахваливает.) А мед у нас чабрецом пахнет! Вот ватрушки с каймаком, пышки — сегодня утромстряпалась. А может, молочка холодненького?

Корреспондент: Спасибо, хозяйюшка, сыты мы уже!

Маланья Васильевна: Сыты? Да разве так-то в старину ели?! Казаки могли долгое время выдерживать на сухарях с водой,

но если была возможность, любили потешить свою душеньку разнообразными яствами. Казаки называли застолья беседами. Сегодня — в моем курене, завтра — в соседском. Так и «перетекали» беседы из одного дома в другой, то всей станице. Обеды начинались обыкновенно кругликом (пирогом с рубленным мясом или рыбой). За ним следовали холодные закуски: студень, поросенок, фаршированный гусь и многое другое, общим числом до десяти, всегда подавались на отдельных блюдах.

Затем приходил черед горячего, также до 10 блюд: щи, похлебка из курицы, борщ со свининой, суп из диких уток и фаворит любого казачьего стола — лапша.

А после супов появлялось жаркое: ягненок с чесноком, бараний бок. Ограничение было только одно — телятина. Казаки ее не ели, считая за грех. И десерт бывал на казачьем столе: блины, лапшевники, кашники. Заканчивался обед фруктами. Хлеб каждая казачка пекла сама.

Здоровье гостей должно быть отменным. Ведь отведать приходилось каждое блюдо, чтобы не обидеть хозяина.

Донская кухня отличалась большим разнообразием. Ведь каждый вливающийся в вольное племя донских казаков приносил с собой и частицу прежней жизни, прежние устои и традиции. Поэтому — сколько станиц, столько и рецептов. В верховьях Дона любили взвар из сухофруктов, а на Нижнем Дону — чай. Но особой казачьей любовью пользовался кофе, который завезен был с трофеями из турецких походов. Обычно пили его в полдень. По всей станице стук — казачки толкут кофейные зерна в ступках. Никогда казачки не пили «кохвий» в одиночку. Всегда приглашали соседок.

Старик: Да, Маланьюшка, гостеприимство и щедрость донских казаков вошли в историю. Не про тебя ли поговорка ходит «Как на Маланьину свадьбу»?

Маланья Васильевна: Нет, не про меня. Я по батюшке Васильевна, а та — Карповна была. Не простая казачка — жена атамана Ефремова. На их свадьбе столы ломились от

обилия снеди, празднество длилось 3 недели, гостей наехало со всего Войска Донского. И по сей день выражение «как на Маланьину свадьбу» означает лишнюю роскошь, расточительство.

Старик: Правда твоя, Маланьюшка! И все же именно рыба составляла основу казачьего стола. В далеком прошлом и корни донского рыболовства. Большинство казаков ловили рыбу только для собственного стола. Выходили на рыбную ловлю на каюках — долбленых из цельных стволов деревьев лодках, которые управлялись одним веслом, стоя на колене. Орудия лова были разными: удочки и переметы, вентири и бредни, сапетки и неводы. Горячо молились казахи святому Петру, просили помощи и покровительства, потому что рыба была одним из главных источников питания; часто повторяли: «Наше мясо в Дону плавает».

Маланья Васильевна: Мой-то рыбарь как ушел спозаранку на реку, так и до се нет.

Корреспондент: Спасибо, хозяйюшка, за хлеб-соль, пойдем, засиделись мы.

Маланья Васильевна: Ступайте с Богом.

Картина 3.

Корреспондент и старик Макарыч продолжают разговор.

Старик: А видал, паря, в музее блесны, что дарили Шолохову в разных местах? Только, ить, он ими не пользовался, предпочитал поплавочную удочку. И удилица бамбуковые и пластиковые не жаловал — были у него березовые удилица, какими исстари пользовались в этих местах.

Бывало, поедут в марте с сыном к густо растущему молодому березняку и прореживают его, удилица получаются длинные, прочные. На 2/3 они шкуривались, а на тонком конце кора оставалась. Высушенные под навесом удилица служили долго, намного дольше, чем лески на них, В гараже у дома-

музея хранится пучок таких неиспользованных удилиц. Да ты, наверное, видал?

Корреспондент: Видал, видал, Макарыч! А рядом со снастями рыбацкими — охотничье снаряжение Шолохова: сапоги, куртка, ружье, патронташ.

Старик: Да, любил он и поохотиться, с таким же азартом, как и рыбалил. Но был у него принцип: стрелял только пернатую дичь — уток, гусей, стрепетов, куропаток, да еще зайцев.

Трудно поверить, но еще после войны куропаток возле донских станиц было больше, чем кур. Казаки на них не охотились — жалели патроны. А вот гусей на пролете весной было видимо-невидимо. От гусяного гогота человеческую речь иногда невозможно было расслышать. Теперь? Теперь все в прошлом.

Корреспондент: Да, времена... Недавно перечитал «Тихий Дон» и вдруг увидел, что в романе есть еще одно важное «действующее лицо» — сам Дон и все, что на его берегах дышит, подает голос, сияет вечными красками жизни.

Ведущий 1: Мотив природы постоянно звучит в романе. Недаром писатель в конце 1926 г. переезжает в станицу Вешенскую и поселяется здесь. В небольшом домике, затерявшемся среди казачьих куреней, на улице, носящей теперь его имя, и были написаны первые книги «Тихого Дона» и «Поднятая целина». Отсюда в поисках материала Шолохов ездил по донским хуторам и станицам, внимательно выслушивал старожилов, изучал казачью старину.

Сама жизнь — живые люди, «материал и природа», как говорил писатель, была под рукой.

Ведущий 2: Но далеко не так уж мирно и вольно жилось на Дону — горька жизнь безутешных вдов и сирот, солонь отцовские и материнские слезы... Вслушайтесь в слова старинной казачьей песни.

Звучит песня:

Ой ты, наш батюшка тихий Дон!

Ой, что же ты, тихий Дон, мутнехонек течешь?

Ах, как мне, тихому Дону, не мутну течи!

Со дна меня, тиха Дона, студены ключи бьют, .

Посередь меня, тиха Дона, бела рыбица мутит.

Песня эта настораживает и настраивает не на благостное восприятие мирного быта и нравов Тихого Дона, отнюдь не на «экзотические картинки», а на восприятие полных драматизма судеб людей, попавших в мощный водоворот событий.

Ведущий 1: В сюжет «Тихого Дона» органически вошло около 50 народных песен. Они сопутствуют героям романа на войне, на работе, на свадьбах, в минуты радости и горя. Глубокую любовь к народной песне Шолохов пронес через всю жизнь.

Звучит казачья песня.

Ведущий 2: 8 лет отдал писатель своему роману. С громадным интересом весь мир встретил завершение многолетнего труда писателя. 15 марта 1941 г. «Тихий Дон» был удостоен Сталинской премии, самой высшей в то время для писателей награды. А 24 мая 1955 г. в Колонном зале Дома союзов по случаю 50-летия Михаила Шолохова юбиляру была преподнесена репродукция картины известного живописца В. Васнецова «Богатыри». С одной лишь разницей: на ней вместо былинных героев Ильи Муромца, Алеши Поповича и Добры-ни Никитича изображены в седлах на могучих конях бородатый Лев Толстой, кудрявый Александр Пушкин, ершистый, с аккуратной щетинкой усов Михаил Шолохов.

Ведущий 1: И это справедливо! Встать в один ряд со столпами русской и мировой литературы не многим суждено. Сын Дона получил звание академика, степень почетного доктора крупнейших университетов мира, стал дважды

Героем Социалистического Труда, лауреатом Государственной, Ленинской, Нобелевской премий.

Михаил Шолохов — достойный сын Тихого Дона, подлинный богатырь земли русской.

Ведущий 2: Когда-то давно известный писатель Серафимович сравнил молодого писателя с ореликом. «Молодой орелик, желтоклювый, а крылья размахнул. И всего-то ему без году неделя. Всего 2—3 года чернел он чуть приметной точкой на литературном просторе. Самый прозорливый не угадал бы, как уверенно вдруг развернется он».

Незадолго до смерти Михаила Александровича неподалеку от Вешенской, на высоком степном кургане, со всех сторон овеваемом ветрами, на правом берегу Дона в металле и камне навеки запечатлен этот орлиный образ молодого Шолохова.

На высоком каменном постаменте — молодой орелик, собирающийся взлететь. Широкий размах крыльев, гордая царственная голова; под крыльями — древняя казачья земля, многострадальная шолоховская степь, на которой сходились конные лавы и умирали герои «Тихого Дона».

Ведущий 2: А теперь викторина.

1. Ответьте, где родился донской писатель М. Шолохов?
  - а) станица Вешенская (жил и работал)
  - б) хутор Гремячий Лог (вымышленный населенный пункт из романа «Поднятая целина»)
  - в) хутор Кружилин
2. Какое произведение Шолохова носит название реки? («Тихий Дон»)
3. Какие произведения писателя экранизированы? («Тихий Дон», «Поднятая целина», «Судьба человека», «Нахаленок», «Жеребенок», «Пастух»).
4. Как называется автобиографический рассказ М. Шолохова о мальчике?
  - а) «Нахаленок»

- б) «Салажонок»
- в) «Вороненок»
- г) «Соколенок»

5. Назовите самый известный комический персонаж из шолоховских произведений.

- а) дед Глухарь
- б) дед Щукарь
- в) баба Бабариха
- г) дед Пескарь

6. С кем сравнивал молодого Шолохова известный писатель Серафимович?

- а) орел
- б) стрепет
- в) беркут
- г) сазан

7. Сколько лет было М. Шолохову, когда он написал самое известное свое произведение?

- а) 23 года
- б) 33 года
- в) 40 лет
- г) 50 лет

Материал с сайта: <http://prazdnovik.ru/v-gosti-k-sholoxovu-teatralizovannaya-programma-dlya-shkolnikov-s-viktorinoj-po-proizvedeniyam-pisatelya.html>

АЛЕКСАНДР ИСАЕВИЧ
СОЛЖЕНИЦЫН
(1918-2008)

**РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ,
ДРАМАТУРГ, ПУБЛИЦИСТ, ПОЭТ,
ОБЩЕСТВЕННЫЙ И
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ,
ПОЛУЧИВШИЙ НОБЕЛЕВСКУЮ
ПРЕМИЮ ПО ЛИТЕРАТУРЕ (1970):**

*«За нравственную силу, с которой он следовал
непреложным традициям русской литературы».*

7 неточностей романа «Архипелаг ГУЛАГ»

В конце 1973 года вышел первый том «Архипелага ГУЛАГ». Страшная правда этой книги оказалась едва ли не страшнее атомной бомбы. Вопрос только, насколько в «Архипелаге...» был высок процент правды...

1. Жертвы репрессий

Основные претензии, конечно, к завышенным цифрам репрессированных – точной цифры в «Архипелаге» Солженицын не приводит, но везде пишет про многие миллионы. В 41-м, на момент начала войны, как пишет Солженицын, у нас были 15-миллионные лагеря. Точной статистики Солженицын не имел, поэтому цифры брал с потолка, на основе устных свидетельств. По последним данным за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления всего с 1921 по 1954 было осуждено около 4 миллионов человек. А на момент смерти Сталина в лагерях находилось – 2,5 миллиона человек, из них около 27% политических. Цифры и без приписок огромные, но подобная неряшливость в цифрах, конечно, снижает

достоверность произведения и дает основания неосталинистам утверждать, что репрессий и вовсе не было, а посадки были по делу.

2. Беломорканал

А вот статистика Солженицына о жертвах Беломорканала: «Говорят, что в первую зиму, с 1931 на 1932 г., сто тысяч и вымерло – столько, сколько постоянно было на канале. Отчего ж не поверить? Скорей даже эта цифра преуменьшенная: в сходных условиях в лагерях военных лет смертность один процент в день была заурядна, известна всем. Так что на Беломоре сто тысяч могло вымереть за три месяца с небольшим. А еще было одно лето. И еще одна зима». Утверждение основано опять же на слухах. Внутреннее противоречие заметно сразу – если все вымерли, то кто же тогда построил канал? Но и эту цифру Солженицын называет преуменьшенной, что уже вне всякой логики.

3. Посадили четверть Ленинграда

Также Солженицын утверждает, что во времена массовых посадок в Ленинграде «сажали четверть города». И дальше разжевывает мысль: «Считается, что четверть Ленинграда была расчищена в 1934-35-м. Эту оценку пусть опровергнет тот, кто владеет точной цифрой и даст ее». Солженицынская статистика опровергается очень легко. В 1935 г. население Ленинграда составляло 2,7 млн человек. Репрессиям подвергались в основном мужчины, в 30-е годы женщины составляли не более 7% от общего количества репрессированных, в 40-е, правда, количество репрессированных женщин стало больше от 10 до 20%. Если допустить, что в Ленинграде репрессировали четверть города, то получится - 700 тысяч. Из них мужчины должны были составлять около 650 тысяч (93%), то есть половину от общего количества мужского населения города (не более 1,3 млн). Если вычесть от оставшейся половины детей и стариков (400 тыс. - 30% от общего числа), получим, что в Ленинграде осталось около 250 тысяч трудоспособных мужчин. Подсчеты, конечно, грубые, но солженицынские цифры явно

завышены. Спрашивается, кто же тогда работал на ленинградских заводах, кто в 1941-42 отражал натиск гитлеровцев на блокадный город, ведь только в народное ополчение уже к 6 июля 1941-го записалось 96 тыс. человек?

4. Пропавший лагерь

Смертность в лагерях по Солженицыну была огромной: «Осенью 1941-го Печорлаг (железнодорожный) имел списочный состав – 50 тысяч, весной 1942 – 10 тысяч. За это время никуда не отправлялось ни одного этапа – куда же ушли сорок тысяч? Узнал эти цифры случайно от зэка, имевшего к ним в то время доступ». Здесь опять возникают вопросы: откуда у зэка доступ к списочному составу? Исчезновение же 40 тыс. объяснимо – заключенные Печорлага строили железную дорогу Печора – Воркута, строительство завершилось в декабре 1941-го, а строители были зачислены в Воркутлаг. Да, смертность в лагерях была большой, но не столько, как пишет об этом Солженицын.

5. Анонимность

Большая часть свидетельств Солженицына основана на анонимных фактах. В первом издании имена 227 авторов, рассказами, мемуарами и свидетельствами которых он воспользовался, Солженицын по понятным причинам не называл. Впоследствии список появился, но не все рассказчики были довольны «Архипелагом». Так, одним из источников Солженицына были устные рассказы Варлама Шаламова. Сам Шаламов впоследствии Солженицына на дух не переносил и даже записал в своих записных книжках: «Запрещаю писателю Солженицыну и всем, имеющим с ним одни мысли, знакомиться с моим архивом».

6. Из университета – в дворяне

Есть и мелкие недочеты в романе: «Брали дворян по сословному признаку. Брали дворянские семьи. Наконец, не очень разобравшись, брали и личных дворян, т.е. попросту – окончивших когда-то университет. А уж взят – пути назад нет, сделанного не воротишь». То есть по Солженицыну

дворянство давали по окончании университета, но против фактов не попрешь – личное дворянство на гражданской службе давали только по достижении IX класса Табели о рангах (титулярный советник). А чтобы получить IX или VIII класс по окончании университета нужно было поступить на гражданскую службу по 1-му разряду, то есть происходить из дворян. По 2-му разряду шли дети личных дворян, духовенства и купцов 1-й гильдии. Прочие шли по 3-му разряду и о IX классе, дающем право на личное дворянство, по окончании университета могли только мечтать. Да и дворянам получить сразу IX класс не всегда удавалось, Пушкин, например, из Лицея вышел коллежским секретарем (X класс), а титулярным советником стал только 15 лет спустя.

7. Атомная бомба

Большие вопросы вызывает и сцена, произошедшая якобы на пересылке в Омске: «Когда нас, распаренное, испотевшее мясо, месили и впихивали в воронок, мы кричали надзирателям из глубины: «Подождите, гады! Будет на вас Трумэн! Бросят вам атомную бомбу на голову!» И надзиратели трусливо молчали... И так уж мы изболелись по правде, что не жаль было и самим сгореть под одной бомбой с палачами». Во-первых, за призывы скинуть атомную бомбу на СССР можно было получить надбавку, а заключенные вовсе не дураки, чтобы кричать об этом сотрудникам системы. Во-вторых, об атомном проекте в СССР знали мало, информация об этом засекречивалась – сложно представить простых заключенных, которые бы знали не только об атомном проекте, но и о планах Трумэна.

Источник: 7 неточностей романа «Архипелага ГУЛАГ»

© Русская Семерка russian7.ru

«Душа и колючая проволока» (сценарий литературного вечера)

Оформлена книжная выставка, на экране заставка с портретом писателя.

На экране – отрывок из фильма «Эквилибриум» (первые 10 минут)

Ведущая 1: Вы посмотрели отрывок из фильма «Эквилибриум», снятого в жанре антиутопии. Этот малобюджетный голливудский фильм, снятый 7 лет назад, в самой Америке успеха не имел, его очень быстро сняли с показа. Но, странное дело, фильм стал пользоваться большой популярностью в Европе, а в России он стал культовым. Чтобы убедиться в этом, достаточно зайти на крупнейший в Интернете сайт «Кинопоиск» и прочитать многочисленные хвалебные рецензии. Почему так получилось? Наверное, потому, что наш исторический опыт, наша историческая память очень чутко среагировали на показанное в этом фильме будущее. Отец народа. Его лицо – повсюду. Шеренги людей в униформе. Охранники режима с неподвижными лицами. Дети, следящие за каждым взглядом и словом родителей. Сожженные картины, фильмы, запрещенные книги. Лекарство от чувств - сделал укол и свободен от зависти, ненависти, совести и даже душевной боли. Слишком много в этом фильме того, что составляет недавнее прошлое России...

Какое отношение имеет этот фильм к теме нашей сегодняшней встречи? Самое прямое. Слоганом «Эквилибриума» стали слова: «Только одно сильнее Системы - человек, преодолевший Её». Александр Исаевич Солженицын был именно таким человеком. Он и его знаменитая книга «Архипелаг ГУЛАГ» в конечном счете победили систему.

Ведущая 2: И мед покажется горше соли,

Слеза — полыни степной не слаще,

И я не знаю сильнее боли,

Чем быть живым среди многих спящих...

Ведущая 1: Сегодня, 11 декабря мы отмечаем день рождения лауреата Нобелевской премии Александра Исаевича Солженицына.

Основываясь на принципах Истины, Добра, Красоты он попытался заново «собрать» казалось бы уже распавшийся на осколки мир. Своим творчеством он соединил разорванные связи между прошлым и настоящим, между великой русской классикой и современным искусством, он сделал попытку восстановить в правах традиции тысячелетней христианской культуры, вечные этические и эстетические ценности.

Он называл себя Поборником и подвижником Божиим: «Я – не я, и моя литературная судьба – не моя, а всех тех миллионов, кто не доцарапал, не дошептал, не дохрипел своей тюремной судьбы, своих лагерных открытий».

Ведущая 2: Солженицын был одним из тех русских писателей, в творчестве которых нечто близкое себе могут найти люди, придерживающиеся разных, часто полярных идейных направлений. Разве что фанатичный поклонник Сталина вряд ли найдет в солженицынском творчестве что-то близкое себе, но это вполне закономерно. Сторонник превращения России (а в идеале и всего мира) в одну большую казарму несовместим с писателем-гуманистом, имевшим собственный драматический лагерный опыт.

Ведущая 1: Чернеют вышки очерком знакомым.

От вышки к вышке день сочится над державою.

От зоны к зоне звонами подъёмов

Задолго досвету ликуют рельсы ржавые.

Похлебка с рыбкою (рыбкой кошачьей), мучная затирка.

В прохуженном, пролатанном томительный развод.

Идут работать лагеря! И наша каторга

Четырежды клеймённая идёт.

Так будет год. И десять так. И так же двадцать пять.

Всё то же самое. Опять. Опять.

Ведущая 2: Обыскивать. Считать. Обыскивать. Считать.

Запястья за спину, покорные, по пять,

Бушлаты чёрные, вступаем меж тулупов,

Как медных статуй в отблесках кострового огня,

И, спины сгорбивши, глаза потупив,

Идём, как будто бы кого-то хороня.

Да каждый день и хорон –ят кого-нибудь –

На палец бирку голому. Для верности – прокол штыка...

Заря.

И – день.

Жестоко-медленно катится солнце по небу,

Искрит о землю мёрзлую бессильная кирка.

Не будет, не было сверкающего мира!

Портянка в инее – повязкой у лица,

О кашах спор, да окрик бригадира, -

И – день, и – день, -и – нет ему конца!

(А.И. Солженицын «Дороженька»)

Ведущая 1: Трудно переоценить вклад Солженицына в формирование политического сознания российской интеллигенции XX века. В хрущевское время появилось немало книг, посвященных лагерной теме, но «Один день Ивана Денисовича» выделялся на общем фоне как яркое художественное произведение, показавшее внутренний мир

«лагерника», — не героя, но и не сломленного заключением человека. В уже самиздатовском «Архипелаге ГУЛАГ» писатель перешел с микро- на макроуровень, дав эпическое описание беспощадной системы насилия.

До «Архипелага» на Западе уже были опубликованы книги сорока реальных его свидетелей и бывших заключенных: Солоневича, Кравченко, людей, бежавших с Соловков, многих других. Потрясающие истории. И никакого впечатления. Потому что дело не в новизне информации, не в сенсации, а в том, что «Архипелаг ГУЛАГ» - это великая литература, она прожигает сердце.

Ведущая 2: Практически невозможно найти фотографии, иллюстрирующих такие понятия как «ГУЛАГ», «заключенный», «репрессированный», подобных фотодокументов ушедшая эпоха нам почти не оставила. Есть только современные фотографии разрушенных временем лагерей, со ржавой колючей проволокой, покосившимися сторожевыми вышками, да различные памятники на месте массовых захоронений расстрелянных и замученных. Поэтому в нашей презентации мы решили использовать красочные плакаты сталинской эпохи, которые хорошо передают дух времени...

Ведущая 1: Веком колючей проволоки назвал ушедшее столетие известный немецкий политолог Петер Штайнбах. Колючей проволокой были опутаны окопы двух мировых войн, на ней держался «железный занавес» от Берлина до Кореи. Но главным ее предназначением, своего рода черной отметиной двадцатого века стала система концлагерей, в которых диктаторская власть содержала и уничтожала своих истинных и мнимых противников. Государственный террор, война против собственного народа являлись несущей опорой тоталитарных систем, накрывших своей тенью значительную часть европейского континента.

Первая половина XX века стала для России периодом сильнейших социальных потрясений, спровоцированных и навязанных высшим руководством страны. Это время видело

несколько волн «классовой войны», которые заканчивались, как правило, отторжением от общественного организма миллионов людей. Формы этого отторжения были самые разнообразные: от лишения гражданских прав, потери рабочего места до ссылки, тюрьмы, лагерей или «высшей меры социальной защиты» - так тогда называлась смертная казнь.

Ведущая 2: Первая волна была связана с проведением коллективизации и ускоренной индустриализации. Она в основном пришлась на 1929-1931 гг. По разным оценкам, в это время было выслано до 9 млн. человек, а их имущество конфисковано. Также в это время сильным гонениям подвергалось духовенство, прежде всего, сельские священники (90% церквей было закрыто именно в эти годы). Одной из сторон этой «классовой войны» было наступление на «буржуазную интеллигенцию», развернутое сразу после известного Шахтинского дела. Тысячи специалистов были уволены с работы и после суда над ними (а часто и без суда) отправлены в лагеря, где начали появляться так называемые «шараги» - специальные лагерные заведения, где ученые могли продолжать научные исследования. В одной из таких, знаменитой Марфинской «шарашке», проведет пять лет Александр Исаевич Солженицын.

Ведущая 1: Вторая волна особенно сильно затронула простых тружеников, рабочих и крестьян. В 1932 г. был принят закон «Об охране и укреплении общественной собственности». В нем государственную и колхозную собственность объявляли «священной и неприкосновенной». Любая ее кража каралась смертной казнью. Только при смягчающих обстоятельствах казнь заменялась заключением не менее чем на 10 лет. Амнистия таких заключенных запрещалась.

Ведущая 2: Закон не делал различий между мелким и крупным воровством. За кочан капусты или горсть зерна следовал один и тот же приговор – десять лет заключения. Поэтому в народе этот закон прозвали «законом о трех колосках». Судили и крестьянских подростков, собиравших на полях опавшие зерна. За пять месяцев после принятия

закона были осуждены 55 тысяч человек, более 2 тысяч – расстреляны, как тогда говорили «убыли по первой категории».

Ведущая 1: Есть очень много страшного на свете,

Хотя бы сумасшедшие дома,

Хотя бы искалеченные дети,

Иль в города забредшая чума,

Иль деревень пустые закрома,

Но ужасы ты затмеваешь эти –

Проклятье родины моей – тюрьма.

О, как росли и крепили стены –

В саду времен чудовищный побег,

Какие жертвы призраку измены

Ты приносить решался, человек!..

И не стекла, чтобы разрезать вены,

Ни бритвы, ни надежды на побег,

Ни веры – для того, кто верит слепо,

Упорствуя судьбе наперекор,

Кто счастлив тем, что за стенами склепа

Родной степной колышется простор.

Скупой водой, сухою коркой хлеба

Он счастлив – не убийца и не вор,

Он верит ласточкам, перечеркнувшим небо,

Оправдывая ложный приговор.

(Мария Петровых)

Ведущая 2: Третья волна репрессий прошла по партийным, государственным, военным кадрам. Начало её совпало с назначением в 1937 г. Николая Ежова на пост главы НКВД. Поэтому аресты окрестили «ежовщиной».

В газете «Правда» в то время была опубликована поэма народного поэта Казахстана Джамбула о «батыре» Ежове:

В сверкании молний ты стал нам знаком,

Ежов – зоркоглазый и умный нарком.

...Прислушайся: ночью злодеи ползут.

Ползут по оврагам, несут изуверы

Наганы и бомбы, бациллы холеры...

Враги нашей жизни, враги миллионов, -

Ползли к нам троцкистские банды шпионов.

Бухаринцы – хитрые змеи болот,

Националистов озлобленный сброд.

Они ликовали, неся нам оковы,

Но звери попались в капканы Ежова. (Слайд 16)

Великого Сталина преданный друг,

Ежов разорвал их предательский круг.

Разгромлена вся скорпионья порода

Руками Ежова – руками народа.

И Ленина орден, горящий огнем,

Был дан тебе, сталинский верный нарком.

Ведущая 1: Число смертных приговоров при «зоркоглазом и умном наркоче» Ежове выросло более чем в 300 раз: с 1116 в 1936 г. до 353680 в 1937 г. Родственникам о расстреле

сообщали в зашифрованной форме: «Десять лет отдаленных лагерей без права переписки».

Трагедия заключалась еще и в том, что зачастую в недрах ГУЛАГа исчезали целые семьи, появилась страшная аббревиатура «ЧСВН» – «член семьи врага народа». Не щадили и детей:

И за одной чертой закона

Уже равняла всех судьба:

Сын кулака иль сын наркома,

Сын командарма иль попа...

Клеймо с рожденья отмечало

Младенца вражеских кровей.

И все, казалось, не хватало

Стране клейменных сыновей.

(А. Твардовский «По праву памяти»)

Ведущая 2: Я хочу зачитать вам отрывок из докладной записки старшего лейтенанта госбезопасности Бориса Кульвеца, которого в 1938 г. командировали в далекий Бодайбо (Читинская область) для проведения ликвидаций: «Только сегодня, 10 марта, получил разрешение на 157 человек. Вырыли четыре ямы. Пришлось производить взрывные работы из-за вечной мерзлоты. Для предстоящей операции выделил 6 человек. Буду приводить в исполнение приговора сам. Доверять никому нельзя. Ввиду бездорожья можно возить на маленьких 3-4 местных санях. Выбрал 6 саней... Придется сделать 7-8 рейсов. Чрезвычайно много отнимает времени... Мое мнение, если вы с ним посчитаетесь, - расстрелять сейчас. Чем дольше их держать, тем больше будет болеть голова. Положение у меня тяжелое. Забито все здание, все коридоры, занял столовую, здание милиции, склад. Прошу вас принципиально рассмотреть вопрос о

лимите первой категории для Бодайбо. Меня очень огорчило, что из двух партий в 260 человек по первой категории идут только 157. Между тем изымается исключительно сволочь. Кроме того, прошу учесть, что в условиях Бодайбо, где большой контингент врагов, которым нам надо дать почувствовать силу соввласти, выделяемая вами норма первой категории – капля в море и не даст никаких результатов».

Ведущая 1: 8 декабря 1938 г. Ежов был смещен со своего поста. Эту должность занял Лаврентий Берия. Число арестов после этого резко сократилось. В сторону отложили тысячи доносов и начатых дел. Из лагерей и тюрем было выпущено около 3 тысяч человек. Среди них были будущие маршалы К. Рокоссовский, К. Мерецков, генерал армии А. Горбатов, физик Л. Ландау, поэтесса Ольга Берггольц. Позже она написала:

Нет, не из книжек наших скудных,

Подобья нищенской сумы,

Узнаете о том, как трудно,

Как невозможно жили мы.

Как мы любили горько, грубо,

Как обманулись мы любя,

Как на допросах, стиснув зубы,

Мы отрекались от себя.

Как в духоте бессонных камер

И дни, и ночи напролет

Без слез, разбитыми губами

Твердили: «Родина», «Народ».

И находили оправданья

Жестокой матери своей,

На бесполезное страданье

Пославшей лучших сыновей.

О дни позора и печали!

О, неужели даже мы

Тоски людской не исчерпали

В открытых копиях Колымы!

Ведущая 2: Начавшаяся война ничего не изменила в репрессивной системе. Подвиг и самопожертвование не смягчили сердце «отца народов», наоборот, вдохновили на новую волну репрессий. После окончания недолгой немецкой оккупации Кавказа в 1943-1944 гг. были полностью высланы пять горских народов Северного Кавказа, без предупреждения и права взять с собой свое имущество. В среде этих народов, конечно, имелись люди, сотрудничавшие с оккупантами, но многие из них бежали с немцами. Большинство остальных были старики, женщины и дети, их мужчины сражались на фронте, и только среди чеченцев и ингушей было тридцать шесть Героев Советского Союза. Такие же высылки проводились в Прибалтике, в Крыму, и в своей знаменитой речи на XX съезде КПСС в 1956 г. Хрущев поверг в изумление весь зал, заявив, что Сталин выслал бы весь украинский народ, все сорок миллионов украинцев, если бы их не было так много и если бы у него имелось место, куда бы их выслать.

Ведущая 1: Около 60 миллионов людей жили и страдали под немецкой оккупацией. Еще миллионы попали в плен и, в случае, если не умерли от жуткого обращения, были освобождены Красной Армией. Еще больше миллионов были угнаны в Германию на принудительные работы на германских заводах и фермах. Сотни тысяч сражались против оккупантов в партизанских отрядах. Сталин смотрел на всех этих людей не с сочувствием, а с подозрением.

Ведущая 2: В 1945 г. Александр Исаевич Солженицын находился со своей частью в Восточной Пруссии. Он воевал уже более двух лет, дослужился до капитана, был награжден орденом Красной звезды и орденом Отечественной войны 2-

ой степени, был представлен к третьему. Фронтовые будни капитана Солженицына не могли помешать ему жить напряженной духовной жизнью. Многое из того, что он видел и чувствовал на войне, подвигло на сомненья и раздумья, которыми он наивно делился в письмах другу. (Слайд 23) Арестовали их обоих. Солженицын получил 8 лет исправительно-трудовых лагерей, пять из которых он провел в Подмосковье и Москве, а последние три – в Особом Лагере в Экибастузе (в Казахстане).

В 1958 г., спустя 5 лет после освобождения он начнет писать «Архипелаг ГУЛАГ» - рассказ о пламени, в котором сгорела наша страна.

Ведущая 1: Трехтомный «Архипелаг ГУЛАГ», имеющий подзаголовок «Опыт художественного исследования» - обобщающее произведение Солженицына о лагерном мире, вобравшее в себя как личный опыт автора, так и опыт 227 других свидетелей величайшей народной трагедии. Эта уникальная в жанровом отношении книга, основанная на синтезе документального и художественного начал, стала наиболее полной «энциклопедией» лагерного мира, воссоздающей его историю с 1917 по 1956 год.

Ведущая 2: Что мы можем сказать о собственно метафоре «архипелага», вынесенной в название книги? Почему «архипелаг» — то есть пространство разодранное, неединое? Возможно, потому, что разобщенность - одно из традиционных свойств мифологического пространства, где действуют не законы и социальные единицы, а боги, герои и интуиции. Но метафора «архипелага» может быть объяснена и иначе. Ее источник — книга А.П.Чехова «Остров Сахалин», неоднократно упоминаемая на страницах «Архипелага...». Сравнивая описанный Чеховым быт сахалинских каторжников с положением советских узников, Солженицын убеждает, что порядки старой каторги были несоизмеримо более легкими, щадящими и гуманными.

Чеховский код «Архипелага...» раскрывает противопоставление: «остров Сахалин — архипелаг ГУЛАГ».

Одному каторжному острову противопоставлен громадный неисследованный архипелаг советской каторги. Сахалинская каторга находилась на периферии Российской империи, море отделяло землю отверженных от свободного материка. Метастазы (еще одна устойчивая метафора Солженицына) ГУЛАГовского архипелага захватывают, опутывают мертвящими щупальцами всю территорию бывшей России.

Ведущая 1: В основу композиции Солженицын положил принцип последовательных глав о тюремной системе, арестах, следствиях, судах, этапах, исправительно-трудовых лагерях, каторге, ссылке. В книге подробно воссоздается история перемалывания в жерновах ГУЛАГа сословий, политических партий, целых народов. Само название произведения стало трагическим знаком эпохи, самым емким символом беспрецедентно масштабных репрессий против собственного народа. Солженицын провел нас по всем кругам Гулаговского ада. У Данте их было 9. Но то было в Аду Господнем, а в человеческом аду их гораздо больше.

Ведущая 2: Где-то в поле возле Магадана,

Посреди опасностей и бед,

В испареньях мерзлого тумана

Шли они за розвальнями вслед...

Жизнь над ними в образах природы

Чередую двигалась своей.

Только звезды, символы свободы,

Не смотрели больше на людей...

(Н. Заболоцкий «Где-то в поле возле Магадана»)

Ведущая 1: Страх, плотный, удушающий, застывший солнечный свет, отнимающий у жизни всякую радость и смысл, простерся над обществом и пропитал собою каждую мысль, каждое чувство, каждое слово человека... В тюрьмах и

лагерях томились в общем столпотворении фашисты и коммунисты, троцкисты и белоэмигранты, интеллигенты и колхозники, генералы и дезертиры, рабочие и священники, безбожники и сектанты, православные и евреи, хулиганы и монахи, бандиты и непротивленцы, воры и ученые, философы и партизаны, секретари обкомов и бандеровцы.

В лагерях создавался режим, убивавший не только физически, но и духовно. Доведенные до потери человеческого облика издевательствами, непосильным трудом, недоеданием, слежкой друг за другом, люди задолго до своей смерти утрачивали волю к нравственному сопротивлению...

Сколько писателей, поэтов, художников и артистов, мыслителей и ученых, чьи имена могли бы стать гордостью России, остались неизвестными никому, а от творений их не сбереглось даже пепла, - сколько таких творцов было уничтожено сатанинской машиной...

Ведущая 2: Массовый сталинский террор, как ни странно, оказал большее воспитательное воздействие на советское общество, и не потому, что открытое или скрытое размежевание с ним занимало общественное сознание на протяжении более чем трех десятилетий. Для Сталина репрессии стали ахиллесовой пятой выстроенного им собственного культа, и этим не преминул воспользоваться его политический преемник. В известном докладе Хрущева на XX съезде партии содержались намеки на то, что здоровые силы в партии сопротивлялись произволу «культа личности» - тем самым была заложена основа концепции сопротивления нелегитимной власти, которая вдохновляла последующие поколения диссидентов и просто людей, однажды прочитавших «Архипелаг ГУЛАГ».

Ведущая 1: И тогда поднимем в оправданье

Медный, мукой мира стертый крест,

Крест погибших в тюрьмах и изгнаньях,

Крест для бога брошенных невест.

Крест детей без хлеба и без крова,
Нашей повседневной нищеты,
И того, кто светоч мира – Слово
Нес в года великой немоты.

(Безвестный священномученик ГУЛАГа)

Ведущая 2: Хотя прошло уже тридцать пять лет с той зимы 1974 года, когда в бывшем Советском Союзе начали ходить по рукам напечатанные на машинке самиздатовские, без переплета, копии «Архипелаг ГУЛАГа» Солженицына, те эмоции, которые они породили, не утихают и сегодня. Тогда читателям давали сутки на чтение этой длинной рукописи. Затем ее нужно было передать следующему человеку. Надо было провести целый день и всю ночь за чтением порой красноречивой, порой гневной прозы Солженицына. Такое вряд ли забудешь.

Ведущая 1: Люди из того первого поколения читателей помнят, кто дал им эту книгу, кто еще знал о ней, кому они ее передали после прочтения. Они помнят истории, которые их больше всего поразили - рассказы о маленьких детях в лагерях, о стукачах, о лагерной охране. Они помнят, как выглядела книга - расплывчатый, отпечатанный в нескольких экземплярах на машинке текст, страницы с загнутыми углами, тусклый свет лампы, горящей далеко за полночь. Они помнят, с кем обсуждали ее содержание.

За чтение или хранение этой книги в СССР можно было получить тюремный срок – в худшем случае. В лучшем – исключение из комсомола, из партии, черное клеймо, волчий билет на всю оставшуюся жизнь.

Ведущая 2: А что такое было тогда ПИСАТЬ, а тем более осмелиться НАПЕЧАТАТЬ «Архипелаг» за границей под своим именем, ни за кого не прячься?!.. Здесь поражало не только то, ЧТО писал Солженицын, — поражала совершенно небывалая и несвойственная советскому человеку модель поведения. КАК он отстаивал и утверждал свои взгляды в

обстановке травли и угроз. Солженицын реагировал на все совершенно по-своему и без всяких колебаний. Несмотря на то, что у него были крошечные дети, что в Москве его не прописали, что он увлеченно работал над «Красным колесом», да еще в это время писал «Письмо вождям» — он сразу все это отодвинул, понимая, что его ждет. Он знал, что это будет обрыв в его жизни, перелом. Но когда все случилось — он абсолютно не колебался.

Ведущая 1: Смолистой головёшкой в поле

Поток горячих искр бросаешь.

Горишь, не зная, добудешь волю,

А может, вовсе потеряешь.

Чем станешь – пеплом и золою,

Что буря разметёт по свету?

А вдруг, в золе блеснет зарёю

Алмаз как знаменье Победы...

(Ц.К. Норвид)

Ведущая 2: Солженицын сделал то, что считал своим долгом: сохранил память об этой эпохе, сохранил голоса людей, погибших друзей. Он выжил и поэтому должен был рассказать об их судьбе...

«То, что должно найти место в этой части, - неоглядно. Чтобы дикий этот смысл простичь и охватить, надо много жизней проволочить в лагерях - в тех самых, где и один срок нельзя дотянуть без льготы, ибо изобретены лагеря — на истребление.

Оттого: все, кто глубже черпанул, полнее изведаль, - те в могиле уже, не расскажут. Главного об этих лагерях уже никто никогда не расскажет.

И непосилен для одинокого пера весь объем этой истории и этой истины. Получилась у меня только щель смотровая на Архипелаг, не обзор с башни...»

Ведущая 1: «Архипелаг» - это не научный труд по истории, здесь нет ученой сухости и беспристрастности. Один из рецензентов назвал его «курсом выживания духа в тоталитарном государстве, снабженный примерами из жизни автора и его окружения». Почему именно о выживании ДУХА? Лучшим ответом на этот вопрос может быть только цитата из книги: «Надо вступить в тюрьму, не трепеща за свою оставленную жизнь. Надо на пороге сказать себе: жизнь окончена, немного рано, но ничего не поделаешь. На свободу я не вернусь никогда. Я обречен на гибель. И имущества у меня больше нет. Близкие умерли для меня — и я для них умер. Тело мое с сегодняшнего дня для меня — бесполезное, чужое тело. Только дух мой и моя совесть остаются мне дороги и важны».

Ведущая 2: «Архипелаг» - это не политический памфлет, не обвинительный приговор. Нет, все это в произведении есть, однако в кульминационной и наиболее значимой четвертой части «Душа и колючая проволока» автор показывает борьбу сил добра и зла в человеческом сердце, в душе. И мы должны запомнить ключевую нравственную идею А.И. Солженицына – общество правды и свободы невозможно построить, не пройдя через очищение и покаяние.

Ведущая 1: «Оглядысь, я увидел, как всю сознательную жизнь не понимал ни себя самого, ни своих стремлений. Мне долго мнилось благом то, что было для меня губительно, и я всё порывался в сторону, противоположную той, которая была мне истинно нужна. Но как море сбивает с ног валами неопытного купальщика и выбрасывает на берег – так и меня ударами несчастий больно возвращало на твердь...

Согнутой моей, едва не подломившейся спиной дано было мне вынести из тюремных лет этот опыт: как человек становится злым и как – добрым. В упоении молодыми успехами я ощущал себя непогрешимым и оттого был

жесток. В переизбытке власти я был убийца и насильник. В самые злые моменты я был уверен, что делаю хорошо... На гниющей тюремной сололке ощутил я в себе первое шевеление добра. Постепенно открылось мне, что линия, разделяющая добро и зло, проходит не между государствами, не между классами, не между партиями, - она проходит через каждое человеческое сердце – и через все человеческие сердца. Линия эта подвижна, она колеблется в нас с годами. Даже в сердце, объятom злом, она удерживает маленький плацдарм добра. Даже в наидобрейшем сердце - не искоренённый уголок зла.

С тех пор я понял правду всех религий мира: они борются со злом в человеке... Нельзя изгнать вовсе зло из мира, но можно в каждом человеке его потеснить...

Ведущая 2: В нашей стране почти нет семьи, где бы хоть кто-нибудь не погиб или не был ранен в Великой Отечественной войне. И почти нет в нашей стране семьи, где хоть кто-нибудь не погиб, не был арестован или ранен всевозможными унижениями на войне, которую вели с собственным народом те, кто говорил от имени народа.

А если даже есть нетронутые этими двумя войнами семьи, то разве весь наш многонациональный народ не есть единая семья, и разве наша память не должна быть общей семейной печальницей?

Ведущая 1: Великая Отечественная война длилась четыре года, и мы потеряли более двадцати миллионов человек. Эти миллионы не подсчитаны до сих пор.

Война тех, кто вел ее от имени народа с самим народом, длилась десятки лет, и сколько миллионов человек мы потеряли в результате этого невиданного доселе геноцида – до сих пор точно неизвестно.

Но если мы не можем спасти никого и ничто в прошлом, мы можем сделать малое, выполнить свой долг - чтить память невинно погубленных крестьян, рабочих, инженеров,

священников, врачей, военных, учителей, людей всех профессий, всех национальностей и вероисповеданий, каждый из которых – это частичка убиенной народной совести, народного таланта.

И поэтому «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына был и остается книгой, важной и необходимой для каждого порядочного человека, живущего в России.

Ведущая 2: В жизни настоятеля храма Сретения Господня города Архангельска отца Иоанна (Привалова) Александр Исаевич Солженицын сыграл в буквальном смысле судьбоносную роль: «Впервые я прочитал Солженицына в 1989 году. Мне было 18 лет. Его могучий голос правды и совести буквально встряхнул меня. Он был для меня не только голосом правды, но и голосом веры. Своим образом и примером он сформировал меня, уберег от многих ошибок и на многое вдохновил. Солженицына надо читать снова и снова. Иногда это болезненное чтение - как прививка. Делаешь прививку, организм вздрагивает и болеет, но это необходимо, чтобы не пришла более серьезная болезнь».

Ведущая 1: Получивший университетское образование в советское время, боевой офицер времен войны, учитель математики в провинциальной Рязани, Солженицын по своему менталитету был человеком старой, досоветской России. Возможно, что свою роль в этом сыграли семейные корни и глубокий интерес к истории. Его система взглядов всегда опиралась на уважение к свободе и интеллектуальной независимости человека. В «Матренином дворе» Солженицын писал о том, что не стоит село без праведника: он сам был таким праведником, без которого не стоит страна. При этом праведник - это не идол, а человек из плоти и крови, со своими эмоциями и предпочтениями, со своими гениальными прозрениями и спорными высказываниями. Не ошибается ведь только Бог, а бесспорные истины часто настолько пресны, что выглядят скучными и банальными.

«Не в силе Бог, а в правде», - любил говорить Александр Исаевич.

Ведущая 2: Наш вечер подошел к концу. Благодарим вас за внимание. До новых встреч в Центральной городской библиотеке им. А.И. Солженицына.

(Звучит песня Ю. Шевчука «Это все, что останется после меня»)

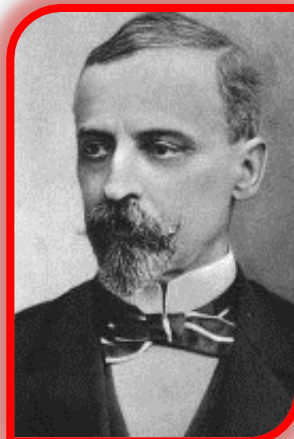

ЛАУРЕАТЫ, РОЖДЁННЫЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, СССР И РФ¹

ГЕНРИК ИОСИФОВИЧ СЕНКЕВИЧ

(1846-1916)

РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИЙ ПИСАТЕЛЬ,
ПОЛУЧИВШИЙ НОБЕЛЕВСКУЮ
ПРЕМИЮ ПО ЛИТЕРАТУРЕ (1905):

*«За выдающиеся заслуги в
области эпоса».*

В истории польской литературы найдется немного писателей, обладавших масштабным ощущением исторического прошлого. Генрик Сенкевич принадлежал именно к таким прозаикам. Он сумел, подобно Гюго, Толстому, Дюма, описать грандиозные события минувших эпох, не упустив при этом творца этих событий — человеческую личность.

Генрик Адам Александр Пий Сенкевич родился 7 мая 1846 года в польском городке Воля Окжейска в литовско-польской семье, получившей дворянство в 1774 году. Отец, Йозеф (Иосиф) Сенкевич, владел несколькими небольшими именьями, мать Стефания (урожденная Чецишовска) происходила из знатной семьи, имевшей старинные дворянские корни.

---

¹ В данном разделе приведены лауреаты Нобелевской премии, которые были рождены на территории Российской империи или СССР, но на момент вручения премии не имели российского подданства или советского гражданства и, по данным Нобелевского комитета, не попали в список лауреатов из России либо не были включены туда по идеологическим причинам, а также лауреаты, родившиеся в семье российских подданных или советских граждан на территории других стран.

Раннее детство Генрика было беззаботным и счастливым, однако ко времени начала его учебы семья обеднела, отец вынужден был продать свои имения. Многочисленная семья Сенкевичей (у Генрика были еще старший брат и четыре сестры) переехала в Варшаву.

В школе Генрик был посредственным учеником, преуспев только в польском языке и литературе. Особенно он увлекался романами Вальтера Скотта, Александра Дюма и не без влияния этих писателей сочинил собственный роман под названием «Жертвоприношение», рукопись которого, правда, не сохранилась.

Юность Сенкевича пришлась на 60-е годы 19 века, период для Польши драматический, даже можно сказать трагический. Польское восстание 1863 года против царского самодержавия России закончилось поражением. В результате царское правительство усилило русификацию польской культуры. В частности, преподавание в Варшавском университете должно было теперь вестись исключительно на русском языке. Не желая мириться с подобными притеснениями, польская интеллигенция организовала нелегальное национально-патриотическое движение, ставившее своей целью противодействовать политике русификации и экономической зависимости от России. И хотя политические события не оказали непосредственного влияния на мировоззрение Сенкевича, но без них все попытки писателя пробудить в польском читателе национальное самосознание оказались бы тщетными: издатели тогда традиционно отдавали приоритет не романам, повествующим о героическом прошлом Польши, а произведениям на современные темы.

В Варшавский университет Сенкевич поступил в 1866 году, проработав перед этим некоторое время домашним учителем, чтобы заработать денег на учебу. В университете вначале он изучал право и медицину, а затем перешел на факультет истории и литературы. В 1871 году из-за хронического безденежья Генрику пришлось оставить университет, диплом он так и не получил.

Еще с 1870 года Сенкевич начал пробовать свои силы в журналистике. Он писал статьи сразу для нескольких польских периодических изданий, побывал в Вене и Париже как корреспондент ряда газет и довольно быстро приобрел в кругах польской интеллигенции репутацию одного из лучших журналистов Варшавы. В 1872 г. был опубликован первый роман Сенкевича «Напрасно», написанный в студенческие годы. Несмотря на определенные слабости, это произведение начинающего автора заслужило положительный отзыв Крашевского, одного из авторитетных польских писателей того времени.

В 1876-ом Сенкевич отправился в США с целью создать польскую общину в Калифорнии, где польские эмигранты могли бы нормально жить и работать, не подвергаясь репрессиям со стороны российского правительства. Расходы на эту поездку взяла на себя варшавская «Газета Польска», заключив договор с Сенкевичем на серию статей об Америке. Сенкевич прожил в Калифорнии больше года. И хотя польскую колонию так и не удалось создать, американские репортажи, очерки и новеллы писателя, регулярно появлявшиеся в польской печати с 1876 по 1878, имели большой успех. Позже они были изданы отдельной книгой под названием «Письма с дороги». К этому времени Сенкевич стал признанным мастером психологического очерка.

В 1878 году Сенкевич побывал во Франции и Италии, где выступал с лекциями. В Италии он познакомился с Марией Шенкевич, полькой по национальности, которая через два года стала его женой. Брак оказался, хотя и счастливым, но недолгим. В 1882-ом у четы Сенкевичей родился сын Генрик Йозеф, а через год — дочь Ядвига. После рождения второго ребенка здоровье Марии резко ухудшилось и в 1885 году она умерла от туберкулеза.

Возвратившись в 1879-ом в Варшаву, Сенкевич возглавил новую еженедельную газету, не оставляя при этом беллетристику. В мае 1882 г. он начал печатать в варшавской газете «Слово» роман «Огнем и мечом», открывающий трилогию, посвященную историческому прошлому Польши в

период с конца 40-х по 70-е годы 17 века. И хотя критики укоряли писателя за увлечение далеким прошлым, большинство читателей высоко оценило это произведение за колоритность и правдивость в описании событий.

Сам же писатель свой отход от современной тематики объяснял так: «Не лучше ли, не здоровее ли — вместо того, чтобы рисовать нынешнее состояние умов, нынешних людей, их бедность, несогласие с самими собою, тщетные потуги и бессилие, показать обществу, что были времена еще худшие, более страшные и отчаянные, но, несмотря на это, наступило возрождение и спасение. Первое может окончательно расхолодить и привести в отчаяние, второе — прибавляет сил, питает надежду, будит желание жить».

Последовавшие за «Огнем и мечом» романы «Потоп» и «Пан Володыёвский» завершили трилогию, упрочившую авторитет писателя. Эти произведения, вызвавшие не только огромный читательский интерес, похвалы и дискуссии, но и резкую критику, положили начало мировой славе Сенкевича. Романы «Без догмата» и «Семья Полонезских», вышедшие после трилогии, повествовали о польской действительности и были написаны в психологическом ключе ранних новелл.

В конце 1894 г. Сенкевич женился на почитательнице его таланта юной Марии Романской. Однако этот брак вскоре распался, слишком уж разные характеры и взгляды на жизнь были у супругов.

В середине 90-х годов писатель начинает работу над двумя широкомасштабными историческими произведениями — романом «Камо грядеши» — о гонениях на первых христиан во времена правления Нерона и романом «Крестоносцы» — о борьбе поляков с Тевтонским орденом на рубеже 14-15 вв. Отдельные главы романа «Камо грядеши» публиковались в периодической печати уже с середины 1894 г. А полный текст этого произведения увидел свет в 1896 г. и вскоре был переведен во многих странах Европы. В кратчайшее время роман приобрел славу выдающегося образца исторической романистики и упрочил мировую

известность Сенкевича. Роман «Камо грядеши» был встречен восторженно не только критиками, отмечавшими, что это произведение является лучшим из существующих литературных изображений Рима эпохи Нерона, но и католическими кругами Польши и Европы. В 1900 г. Папа Римский прислал Сенкевичу поздравление по случаю 25-летнего юбилея его литературной деятельности и 50-летия. Это поздравление в немалой степени способствовало присуждению Сенкевичу в 1905 году Нобелевской премии по литературе «за выдающиеся заслуги в области эпоса».

В Польше Сенкевич был настолько популярен и любим, что в 1900 г., когда отмечался 25-летний юбилей его литературной деятельности, не только состоялся целый ряд торжественных мероприятий по всей стране, но по подписке была собрана достаточная сумма денег для приобретения им небольшого имения Облегурек невдалеке от Кельце. Вскоре после юбилея Сенкевич женился на своей кузине Марии Бабской.

В 1905 г. Сенкевич завершил роман «На поле славы», явившийся продолжением его первой исторической трилогии. В начале Первой мировой войны Сенкевич переехал в нейтральную Швейцарию, где, несмотря на сильный склероз, работал в польском Красном Кресте. Писатель скончался в Вене 15 ноября 1916 г. Через восемь лет прах Сенкевича был перевезен в Польшу.

Писательская судьба Генрика Сенкевича была счастливой — критики различных стран мира восторженно отзывались о польском романисте, называя его «одним из величайших мастеров современного романа». О таланте писателя свидетельствует и тот факт, что почти все его крупные произведения были экранизированы с участием лучших польских и зарубежных актеров. А по роману «Камо грядеши» были поставлены сразу два фильма — французскими и итальянскими кинематографистами. Такой интерес кинематографа к творчеству писателя можно объяснить тем, что Сенкевич всегда мастерски увлекал читателя не только сюжетом, но и возбуждал у него интерес к

тому, что произойдет в дальнейшем. В большинстве своих произведений писатель соблюдал канон благополучного конца, соединяя счастливые пары и вознаграждая самоотречение, прославляя верность, дружбу и храбрость. Тем самым он шел навстречу неискушенному читателю, призывая верить в веками обоснованное право на счастье, а также в то, что стремление к нему не безнадежно.

**ВЛАДИСЛАВ
СТАНИСЛАВ РЕЙМОНТ**
(1867-1925)

**ПОЛЬСКИЙ ПИСАТЕЛЬ,
ПОЛУЧИВШИЙ НОБЕЛЕВСКУЮ
ПРЕМИЮ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
(1924):**

*«За выдающиеся заслуги
в области эпоса».*

«Илиада нравов польского народа» — так назвала современная Реймонту критика его крупнейший роман «Мужики», огромное полотно жизни польской деревни конца XIX — начала XX века. Роман, с которым писатель вошел в мировую литературу, создавался с первых лет его творческой деятельности. Своеобразной подготовкой к нему были небольшие рассказы. Но значение их не исчерпывается ролью эскизов к большой работе. Уступающие по глубине и широте охвата действительности главному созданию Реймонта, эти ранние рассказы имеют и свою собственную художественную ценность, верно рисуют многие черты жизни старой польской деревни.

Владислав Реймонт родился в семье бедного шляхтича, костельного органиста в селе Кобель, недалеко от Лодзи. Будущий писатель юношей ушел из дому, был странствующим актером, служил на железной дороге, работал на заводах и перепробовал множество других, самых разнообразных профессий. Годы скитаний дали Реймонту большой жизненный опыт. Уже первые несколько лет литературной работы принесли ему широкую известность. С появлением «Мужиков» (1904–1909) Реймонт стал признанным классиком польской литературы. Роман доставил ему славу далеко за пределами родины. Это произведение

было сразу переведено на другие языки; в России в ближайшие годы по выходе книги а свет появились два собрания сочинений писателя.

Основная и наиболее ценная часть творчества В. Реймонта посвящена польскому крестьянству. Все свои ранние впечатления писатель получил в деревне. Он превосходно знал жизнь крестьянина, с детства проникся любовью к сельской природе, огромным уважением к деревенским труженикам, к народным обычаям. Но обращение Реймонта к деревне определялось не только его собственным жизненным опытом, — оно было своеобразным откликом писателя на вопросы, которые ставила перед ним современность.

Быстрое развитие капитализма в Польше 80 — 90-х годов дало возможность Реймонту увидеть пороки буржуазной «цивилизации». Писатель не всегда умел их верно оценить; он совсем не понял исторических закономерностей развития общества, не понял роли пролетариата. Но Реймонт хорошо видел растущую нищету трудящихся, подневольный характер труда на капиталистической фабрике, жестокость и своекорыстие буржуазии. Отрицательное отношение к этому классу приняло в творчестве Реймонта форму критики капиталистического города, который был для него средоточием буржуазных отношений, противных природе человека, унижающих человека, губящих его.

Очень выпукло эта мысль автора выступает в рассказе «Однажды». Пан Плишка, нищий шляхтич, уже двадцать лет работающий на фабрике, — пример человека, задавленного городом. Плишка — придаток машины, точный, как машина, исполнительный, как машина, и, подобно ей, лишенный живой человеческой души. «Он был старейшей машиной на фабрике, только машиной, ибо постепенно забывал о себе, о собственной жизни и по временам даже не помнил уже, кем был когда-то, где родился. Он уже не мог ни о чем ни думать, ни мечтать». «В сущности его ничто не интересовало. Он был и добр, и отзывчив, но это была пассивная доброта автомата,

без участия воли и сознания». Чутье художника не изменило здесь Реймонту. Он удивительно верно выбрал героя этого рассказа. Именно на «пане» Плишке, лишенном настоящих связей со своими товарищами-рабочими, спокойно и безропотно принимающем свою судьбу, сильнее всего должно было сказаться оупляющее воздействие подневольного труда на капиталистической фабрике. Впрочем, однажды даже в Плишке проснулось желание спастись из-под власти машин. Он бежит из города. Но город уже целиком завладел им. Звучит фабричный гудок, и Плишка, не в силах ему противиться, возвращается к своей машине — на этот раз навсегда.

Такое отношение к городу проходит через все творчество молодого Реймонта. «Жили только фабрики... — пишет он в рассказе «Смерть города», — умирало все живое, и все яркое превращалось в ничтожество, зло и отчаяние...»

Это «яркое», «живое», «свободное» Реймонт находит в крестьянстве. Только крестьянство, по Реймонту, сохранило самобытность, истинное здоровое трудолюбие, честность и независимость. Характерно, что даже городской рабочий, по мнению Реймонта, способен уберечь от гибели свою душу, лишь поскольку он не утратил связи с землей. Пана Плишку, «презирающего людей и уважающего машины», особенно возмущает, что его соседи-рабочие на праздники уезжают в деревню. Но в момент просветления его и самого потянуло к земле.

Реймонт не стал, однако, апологетом «мирной жизни на лоне природы». Напротив, его реализм проявляется наиболее ярко именно в произведениях о крестьянстве. Реймонт выступает здесь как умный наблюдатель и критик современной ему действительности.

Два рода противоречий сложились в польской деревне XIX века: между крестьянством и помещиками, и внутри крестьянства — между кулачеством и беднотой. Ранние рассказы Реймонта затрагивают в основном первую тему.

Польская шляхта давно скомпрометировала себя в глазах народа. Ратуя за национальное освобождение, дворянство ни на йоту не желало поступиться своими правами и привилегиями. Оно мечтало о независимой Польше, в которой можно было бы «независимо» продолжать грабить народ. Но разоблачившая себя шляхта попрежнему притязала на роль руководителя нации и хранителя ее культуры. В произведениях Реймонта заключена глубоко критическая оценка польского дворянства. Писатель показал духовное вырождение этого класса, полную утрату им национальных традиций, его прямую враждебность народу.

Представители дворянства появляются почти в каждом из рассказов Реймонта. Помещица-садистка зверски избивает собственную дочь за ее дружбу с крестьянским мальчиком (рассказ «Сука»). К важному железнодорожному чиновнику приходит просить работы бедняк, дети которого умирают с голоду. Но «ясновельможный пан», увлеченный воспоминаниями о Париже, с трудом замечает простого мужика и уж совсем неспособен почувствовать, что перед его глазами разыгрывается настоящая человеческая трагедия. В словах возмущения, произнесенных бедняком, слышится негодование самого автора (рассказ «Томек Баран»). В повести «Справедливо» «добрые, баре» помогают старой крестьянке спасти сына. Но участие их не имеет ничего общего с простой человечностью. И господская помощь — не более как унижающий каприз.

«А чувствительную пани так растрогало горе Винцерковой, что ее сапфировые глаза наполнились слезами.

— Ниобея! Крестьянская Ниобея! — шептала она мужу по-французски. — Какое лицо! Оно словно окаменело от боли! А экспозиция какая! Как хорош тон ее седых волос и как они идут к этому лицу, словно отлитому из старой бронзы! Как величавы эти жесты отчаяния! Чудесно! Чудесно! Не насиуйте себя... Плачьте! — воскликнула она в экстазе и побежала за своим большим фотографическим аппаратом. Пани страстно увлекалась фотографией (живописью тоже, но фотографию она считала более совершенным искусством)».

Реймонт умеет разглядеть своекорыстную сущность дворянства, под какой бы «культурной» и «либеральной» маской она ни скрывалась.

Реймонт рисует нищету польской деревни, показывает гнет и притеснения, которым подвергался крестьянин, его полное бесправие в панской Польше. Однако классовые противоречия внутри крестьянства не получили в его рассказах достаточно определенного художественного решения. В рассказе «Томек Баран» бедняка Томека, не нашедшего помощи у ксендза и господ, выручают из беды его братья-крестьяне. Подобную сцену крестьянской взаимопомощи мы увидим позднее в «Мужиках». Но в романе есть и другой эпизод: когда селу Липцы угрожает голод, из всех окрестных деревень съезжаются крестьяне, чтобы помочь своим соседям. Однако поля бедняков так и остаются необработанными, потому что ксендз распределил работников лишь по богатым хозяйствам. В романе «Мужики», несмотря на заключенные в нем большие противоречия, Реймонт, несомненно, гораздо ближе подошел к изображению классового расслоения деревни, чем он сумел это сделать в своих ранних рассказах.

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ
БУНИН
(1870-1953)

**РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ И ПОЭТ,
ПОЛУЧИВШИЙ НОБЕЛЕВСКУЮ
ПРЕМИЮ ПО ЛИТЕРАТУРЕ (1933):**

*«За строгое мастерство,
с которым он развивает
традиции русской
классической прозы».*

Хрустальная яхта Ивана Бунина

«Один я был в полночном мире...»

Вероятно, немногие знают или помнят, что 10 декабря 1933 года шведский король Густав V торжественно вручил Нобелевскую премию в области литературы Ивану Бунину - первому из русских писателей, удостоенных этой награды. В Орле в музее писателя бережно хранят вырезки из газет того времени. Эмиграция ему рукоплескала (Бунин в то время жил во Франции). «Вне сомнения, И.А. Бунин - за последние годы, - самая мощная фигура в русской художественной литературе и поэзии», - писала парижская газета «Новое русское слово». А в Советской России к известию отнеслись едко.

«В противовес кандидатуре Горького, которую никто никогда и не выдвигал, да и не мог в буржуазных условиях выдвинуть, белогвардейский Олимп выдвинул и всячески отстаивал кандидатуру матерого волка контрреволюции Бунина, чье творчество, особенно последнего времени, насыщенное мотивами смерти, распада, обреченности в обстановке катастрофического мирового кризиса, пришлось, очевидно, ко двору шведских академических старцев», - писала тогда «Литературная газета».

А что же Бунин? Он, конечно, переживал. Но 10 декабря 1933 года, как написала западная пресса, «король от литературы уверенно и равноправно жал руку венчанному монарху». Вечером в Гранд-отеле в честь нобелевских лауреатов был дан банкет, где писатель выступил с речью. С особой горечью он произнес слово «изгнанник», вызвавшее у публики «легкий трепет». Нобелевская премия составила 170331 крону или около 715000 франков.

Значительную часть ее Бунин раздал нуждающимся, а распределением денег занималась специальная комиссия. В интервью корреспонденту газеты «Сегодня» он рассказал: «Как только я получил премию, мне пришлось раздать около 120000 франков... Знаете ли вы, сколько писем я получил о всепомоществовании? За самый короткий срок около двух тысяч таких посланий». И писатель никому не отказал.

Премиальные деньги скоро закончились, и Бунин жил все тяжелее. В 1942 году он записал в своем дневнике: «Нищета, дикое одиночество, безвыходность, голод, холод, грязь - вот последние дни моей жизни. И что впереди? Сколько мне осталось?»...

«Наш дар бессмертный - речь»

Музей Бунина в Орле был открыт 10 декабря 1991 года, и дату выбрали не случайно - приурочили к годовщине вручения Нобелевской премии.

В его фондах среди прочих уникальных экспонатов хранятся серебряные поднос и солонка. Говорят, что именно на них писателю, когда он приехал в Швецию, эмигранты поднесли хлеб-соль. На обороте подноса выгравирована надпись: «Ивану Алексеевичу Бунину от русских в Стокгольме в память 10.12.1933 г.». А на солонке стоит монограмма «И.Б.» и написано «От русских в Стокгольме в память 10.12.1933 г.». Известно, что Бунина несколько раз выдвигали на соискание Нобелевской премии. Впервые это произошло в 1922 году по инициативе Ромена Роллана.

Повторные попытки были предприняты в 1926, 1930 и 1931 годах. Но Нобелевскую премию писатель получил лишь в 1933 году. Фактически он получил ее за роман «Жизнь Арсеньева», которую многие до сих пор воспринимают как биографию самого писателя. Однако Иван Алексеевич от этого отрекся. Создатель и заведующая музеем писателя Инна Костомарова, исследователь творчества и жизни Бунина, рассказала, что английский перевод романа вышел в Лондоне в марте 1933 года.

А 9 ноября того же года Шведская академия решила присудить премию «Ивану Бунину за правдивый артистический талант, с которым он воссоздал в художественной прозе типичный русский характер». Характер, надо сказать, непростой. Ведь даже судьба музея писателя сложна, как жизнь самого Бунина. Воспетый им Орел, которому писатель не раз признавался в любви в своих произведениях, до середины 1950-х годов даже имя Ивана Алексеевича если и произносил, то шепотом.

«И все ж придет, придет пора...»

Много лет Бунин в Советском Союзе был под запретом. И только после его смерти, в изгнании, во Франции, в СССР начали издавать его произведения, выборочно, с цензурой, клоками вырывая абзацы и выцарапывая неугодные строки. Так Бунин, до последних дней мечтавший вернуться на Родину, вернулся своими творениями. «Возвращение литературного наследия Ивана Бунина в Россию началось с издания в 1956 году его пятитомного собрания сочинений», - считает Инна Костомарова.

А отправной точкой увековечивания памяти писателя в нашей стране стало открытие в Орле в 1957 году зала, посвященного жизни и творчеству Бунина. Его создали в музее писателей-орловцев. С того дня коллекция бунинских меморий начала пополняться. Многие, знавшие писателя и хранившие у себя его вещи, бывало, сами выходили на связь или же их находили музейные работники. Коллекция росла, и скоро стало ясно, что в одном зале Бунину будет тесно.

В распоряжении музейных работников оказался, например, дореволюционный литературный архив писателя, переданный им на хранение перед эмиграцией старшему брату Юлию. После его смерти, в 1921 году архив достался племяннику писателя - Николаю Пушешникову. В 1960 - 1970-е годы вдова Пушешникова - Клавдия Петровна, - по частям передала большую часть архива в Орловский государственный литературный музей Ивана Тургенева - ведь собственного музея у Бунина еще не было. Да и сейчас он входит в структуру объединенного тургеневского литмузея.

По словам Инны Костомаровой, еще сложнее оказалась судьба парижского архива Бунина. Его унаследовал писатель Леонид Зуров, друживший с семьей Буниных. В 1961 году он вступил в переписку с директором Орловского литературного музея о продаже через Минкультуры СССР всей обстановки парижской квартиры писателя. Он считал, что именно в Орле должен быть создан музей Бунина. Переписка продолжалась до 1964 года.

Несмотря на невысокую назначенную цену, Зуров получил отказ по причине «малоценности бунинского архива». И тогда его предложение приняла профессор Эдинбургского университета Милица Грин. Так парижский архив оказался в Великобритании, где хранится до сих пор. Некоторые предметы из него все-таки добрались до Орла - в конце 1980-х годов Милица Грин передала их сюда, в том числе те самые серебряные поднос с солонкой.

«У птицы есть гнездо, у зверя есть нора»...

Есть в музее и другие потрясающие экспонаты, которые обязательно надо видеть и от которых буквально захватывает дух, - книги, фотографии и портреты с автографами писателя и других известных людей: Федор Шаляпин, Антон Чехов, Максим Горький и другие, другие, другие. Есть тут даже пробковый шлем писателя - сувенир, привезенный из многих странствий по свету. А чего стоит хрустальная яхта работы Карла Фаберже, подаренная Бунину в день 25-летия его творческой деятельности! Шедевр, не иначе.

Еще большей, несомненно, ценностью обладают подлинные бунинские рукописи, среди которых есть неопубликованные. Прочитать их можно только в музее. Вот, под стеклом в одном из залов, состарившиеся листы из ученической тетради. Аккуратным почерком выведены стихи. Их автор - Ваня Бунин, ему всего 13 лет. Он только начинает искать себя в литературе и не скрывает, что подражает Пушкину, которому и посвятил первые работы. И рядом - его взрослые рассказы, исчерканные оттачиваемым пером строки.

К началу 1990-х годов орловская бунинская коллекция разрослась до крупнейшей в мире. И встал вопрос - где это богатство хранить, где показывать его людям? Сначала энтузиасты доказывали, что стране нужен музей Бунина, потом искали помещение. В Орле Бунин часто менял адреса из-за материальной нужды, и многие дома той поры не сохранились. Подходящий дом нашла Инна Костомарова - старинный дворянский особняк в «литературном квартале», где жили и работали многие известные литераторы.

«Ледяная ночь. Мистраль...»

Парадокс - в эмиграции имя Бунина стало известным всему миру, но жил он все-таки бедно. Печатался в эмигрантских издательствах, в разных странах, и, к счастью, нашелся человек, собравший коллекцию тех изданий - американский профессор Сергей Крыжицкий, один из крупнейших исследователей творчества Бунина за рубежом. Свой личный архив и более семисот произведений русских писателей, изданных за границей, он подарил орловскому музею.

Одна из комнат ныне напоминает читальный зал библиотеки. Такова была воля Сергея Крыжицкого, пожелавшего, чтобы переданные им книги были доступны для желающих. Но «сердцем музея» является не «читальный зал», а парижский кабинет Бунина. Он выделяется среди экспонатов. Много сил было приложено к тому, чтобы перевезти из Парижа личные вещи писателя. По

сохранившимся фотографиям в точности и воссоздали бунинский кабинет.

Здесь стоит его простенькая кровать и два рабочих стола, на одном из которых, тоже простеньком, печатная машинка. Физическое ощущение присутствия Бунина в кабинете невероятно велико. Но оно возрастает в сто крат, когда комнату заполняет яркий голос писателя, вдохновлено читающего свое стихотворение «Одиночество». Век назад автор записал его на грампластинке, и запись каким-то чудом дошла до наших дней. Слушая ее, волнуясь, понимаешь, за что современники считали Бунина одним из лучших чтецов в стране...

«Сердце музея» охраняется бережно, с особой любовью и пристрастием, с почитанием, и, может, потому оно не переставало биться даже в самые трудные времена, питая надеждой на лучшее и самих музейных работников, буквально выстрадавших право Бунина на новую орловскую жизнь. Несколько лет из-за плохого технического состояния здания музей для посетителей был закрыт. В нем протекала крыша, а для музея это страшно. Но сейчас эти проблемы позади.

Помогли областные власти и меценаты, выделившие деньги для музея Бунина. Здание отремонтировали и создали экспозицию, над проектом которой много лет трудилась Инна Костомарова. Музей теперь открыт для посетителей, он пережил трудные времена, «окаянные дни», но донес до нас то, что хранило время и близкие Бунину люди. А что же Бунин? Писатель больше не одинок, ибо он, как и мечтал, вернулся на Родину.

Сценарий литературного часа ко дню рождения И. А. Бунина (22.10.1870- 8.11.1953)

Оформление мероприятия: книжная выставка, на которой представлены книги писателя, а также литературоведческие статьи о нем и его произведениях, дневник четы Буниных «Устами Буниных».

На импровизированной сцене оформлен стенд с фотографиями И.А. Бунина в разные годы жизни и портретами близких ему людей.

В ходе литературного часа демонстрируются отрывки из фильма А. Учителя «Дневник его жены».

Действующие лица: Ведущие 1 и 2.

Ведущий 1: Один из крупнейших писателей XX века, выдающийся мастер слова Иван Алексеевич Бунин занимает видное место в русской литературе. Это человек большой и сложной судьбы, а его творческий путь долог и противоречив.

В его судьбе и произведениях преломились острейшие конфликты нашей эпохи. Сам писатель писал о себе: «Неутомима и безмерна моя жажда жизни, и я живу не только своим прошлым, не только своей собственной жизнью, но и тысячами чужих жизней».

Ведущий 2: Иван Алексеевич Бунин родился 22 октября 1870 года в Воронеже. Детство провел в имении родителей Бутырки под Воронежем.

Позже писатель вспоминал: «Тут в глубочайшей полевой тишине и прошло мое детство, полное поэзии печальной и своеобразной. Зрение у меня было такое, что я видел все семь звезд в Плеядах, слухом за версту слышал свист сурка в вечернем поле, пьянел, обоняя запах ландыша или старой книги». Свою удивительную чувствительность Бунин обрел именно здесь, в родовом имении.

Ведущий 1: Отец писателя, Алексей Николаевич Бунин, происходил из старинного дворянского рода и был усадебным помещиком с головы до пят: был вспыльчивый, азартный, более всего любящий охоту и пение под гитару старинных романсов. В конце концов, он, из-за пристрастия к вину и картам, растратил не только собственное наследство, но и состояние жены.

Но, несмотря на эти пороки, его все очень любили за веселый нрав, щедрость, художественную одаренность. В его доме никогда никого не наказывали. И будущий писатель рос, окруженный лаской и любовью.

Ведущий 2: В противоположность отцу мать Ивана Бунина – Людмила Александровна Чубарова была натурой кроткой, нежной, религиозной, воспитанной на лирике Пушкина и Жуковского. Главной ее заботой было воспитание детей. Иван был третьим сыном, братья Юлий и Евгений были старше его.

Вера Николаевна Муромцева, жена Бунина, вспоминает: «Мать его, Людмила Александровна, всегда говорила мне, что «Ваня с самого рождения отличался от остальных детей», что она всегда знала, что он будет «особенный», «ни у кого нет такой тонкой души, как у него».

Иван тоже был очень привязан к матери, и после ее кончины так глубоко запрятал память о ней, что до конца своей жизни ни с кем и никогда не говорил о ней.

Ведущий 1: В характере мальчика слились родительские черты, прямо противоположные друг другу. Сила и страстность переживаний, инстинктивное неприятие всего злого и уродливого – всё это Бунин унаследовал от матери. От отца – порывистый нрав, вспыльчивую гордость рыцаря, смелость и упорство. Судьба Бунина отмечена не прошедшим для него бесследно обстоятельством: будучи дворянином по происхождению, он не получил даже гимназического образования.

В возрасте 11 лет Бунин поступил в Елецкую гимназию, но неудобства, связанные с проживанием на съемной квартире, а

также отсутствие денег для оплаты обучения, привели к тому, что писателю пришлось уйти из гимназии. Больше он не посещал ни школу, ни институт. Все его знания – итог самообразования.

Ведущий 2: Вернувшись домой, Иван Бунин продолжил свое обучение под руководством старшего брата Юлия. Юлий, видя литературные способности младшего брата, знакомил его с русской классикой, советовал писать самому.

В 17-летнем возрасте Бунин сочинял уже довольно серьезные стихи. Он самостоятельно изучил английский язык, переводил Байрона и Лонгфелло – особенно прославился непревзойденным переводом «Песни о Гайавате» Лонгфелло.

Ведущий 1: Но пришло то время, когда будущий писатель был вынужден покинуть родовое гнездо в поисках работы и средств к существованию. Открытое окно в мир, ароматы дальних стран манили его...

Словно перекаати-поле кочевал Бунин по всей России, и, меняя одну должность на другую, он, по собственному признанию, был вольнодумцем, равнодушным к своей голубой крови и к утрате того, что было связано с ней. Так, в борьбе с нуждой, в скитаниях, в поисках самого себя писатель провел почти 10 лет.

Однажды он сказал про себя: «Совсем как птица был я всю жизнь». Но надо сказать, что все это время он не оставлял сочинительство. Свои первые литературные опыты – статьи и рассказы – он посылал в столичные журналы.

Ведущий 2: Переломным в судьбе Ивана Алексеевича стал тот год, когда он переехал сначала в Петербург, а затем в Москву, где познакомился со многими известными писателями. Особенно важным было знакомство с А.П. Чеховым и сближение с участниками московского литературного кружка «Среда», в который входили М. Горький, А. Куприн, Л. Андреев и другие.

В этом же году И.А. Бунин публикует рассказ «На край света». Поощряемый похвалами критиков, писатель весь

отдается творчеству. Кончились поиски своего призвания, остались позади странствия по России, мелкая журналистская и другая работа, давшая, впрочем, богатый материал для рассказов и повестей.

После публикации этого произведения, а также рассказов «На хуторе» и «Вести с родины», к И.А. Бунину пришло литературное признание.

Ведущий 1: Что касается личной жизни Бунина, то он был влюбчивым человеком. В юности пережил долгую и трудную страсть к Варваре Пащенко, которая едва не закончилась самоубийством.

Жена писателя Вера Муромцева позднее вспоминала: «Вряд ли можно назвать другого русского писателя, который бы с таким самозабвением, так порывисто выражал свое чувство любви, как он в письмах к Варваре Пащенко, соединяя в своих мечтах её образ со всем прекрасным, что он обретал в природе, в поэзии, в музыке».

Отношения с другими женщинами у Бунина складывались по той же схеме, что и с Пащенко: страсть, борьба двух сильных личностей, ссоры, разрыв. В своем романе «Жизнь Арсеньева» под именем героини Лики он соединил черты многих своих женщин.

Ведущий 2: В 1908 году И.А. Бунин впервые женился на 19-летней красавице Анне Цакни, дочери одесского грека. Анна, высокая, пышноволосяя, темноглазая, сразу приглянулась Бунину, и неожиданно для самого писателя, после нескольких дней знакомства, они обвенчались.

В этом браке у Бунина родился сын Коленька, который не прожил и пяти лет, скончавшись от менингита. Горе Бунина было безмерно, он не расставался с фотографией ребенка во всех своих странствованиях.

Ведущий 1: Но, несмотря на личные потери и трагедии, Бунин не перестает заниматься литературной деятельностью. Он знакомится с М. Горьким и начинает сотрудничать с

издательством «Знание». Здесь выходят в свет многие его рассказы и стихотворения.

В 1903 году к писателю приходит и официальное признание литературных заслуг: Академия наук награждает его Пушкинской премией за стихотворный сборник «Листопад» и перевод «Песни о Гайавате».

В России Бунин был трижды удостоен Пушкинской премии и носил звание почетного академика. Читая сборник «Листопад» М. Горький писал: «Хорошо! Какое-то матовое серебро, мягкое и теплое, льется в грудь со страниц этой простой, изящной книги». Сотрудничество с М. Горьким продолжалось вплоть до революции 1917 года, далее их пути разошлись.

Ведущий 2: В конце 1906 года Бунин влюбляется в Веру Николаевну Муромцеву, дочь члена Московской городской думы. Спокойна, рассудительна, умна, прекрасно воспитана, Вера Николаевна никогда не думала связывать свою жизнь с писателем, потому что наслушалась разговоров о распутной жизни людей искусства.

Тем не менее, именно ей довелось стать терпеливой «тенью» знаменитого писателя, они не расставались до самой смерти, хотя жили в гражданском браке вплоть до 1922 года, когда смогли официально зарегистрировать свой брак уже во Франции.

Ведущий 1: В годы, предшествующие революции, Иван Бунин и Вера Муромцева много путешествуют вместе. Вообще тяга Ивана Алексеевича к путешествиям едва ли не главная его жизненная страсть. Сам себя, он называл, «бродником», то есть путником. Его всегда тянуло к перемене мест, он стремился разнообразить круг жизненных и художественных впечатлений.

Вначале нового века он объездил Европу, побывал на Ближнем Востоке, во многих странах Азии, жил в Италии, на Капри, бывал на Цейлоне и в Африке. Но, как ни странно, именно бывая за пределами родины, Бунин создавал

произведения о России, и наоборот, находясь в России, писал об Индии, Цейлоне и Ближнем Востоке. (Звучит стихотворение И.А. Бунина «Собака»).

Ведущий 2: В 1910 году наступает расцвет Бунина – прозаика. «Антоновские яблоки», «Деревня», «Суходол» приносят огромную популярность писателю. В этих произведениях художник исследовал уродства российской жизни и бездны русской души.

Свою задачу писатель видел в том, чтобы изобразить русского помещика, дворянина в тесной «связи с мужиком и при малом различии в психике». Бунин говорил: «Меня занимает главным образом душа русского человека в глубоком смысле, изображение черт психики славянина».

Ведущий 1: Начало XX века – время расцвета декадентских течений в литературе, но И.А. Бунин не поддался на модные увлечения и остался верен реалистической традиции русской классики. Многим своим современникам Бунин казался невозмутимым «олимпийцем» - «холодным», хотя и блестящим мастером, а его суждения о России и русском человеке – слишком отстраненными, внешними.

Социальные проблемы всегда занимали его меньше нравственных, и он не верил в возможность осчастливить людей, так или иначе перестроив общество. Поэтому революционные волнения и в частности первая мировая война не вызвали у него патриотического подъема. Поэт видел слабость страны и боялся её гибели. (Звучит отрывок из стихотворения Бунина «Канун»).

Ведущий 2: Вскоре худшие предчувствия писателя оправдались. Началась революция, в которой он увидел «кровавое безумие», необратимую катастрофу. Несмотря на развивающиеся события, разруху и голод, писатель все же участвовал в литературной жизни Москвы.

Свои наблюдения и свою ненависть к большевистскому режиму Иван Алексеевич выразил в дневнике «Окаянные дни». С горечью писатель наблюдал за гибелью того, что

было ему так дорого. И вот в мае 1918 года Бунин бежал в Одессу, тогда еще свободную от большевиков, прожил там два года, и в 1920 году уехал в Турцию.

Покидая родину на перегруженном беженцами пароходе «Спарта», Бунин ощущал себя последним жителем затонувшей Атлантиды. Возможно, уже тогда у него возник замысел – воскресить погибшую страну в слове, сохранить для потомков каждую её дорогую черту.

Ведущий 1: После мытарств в Турции, Болгарии и Сербии И.А. Бунин с женой обосновались во Франции, где и остались до конца жизни. Сначала они жили в Париже, а затем – в Грассе, на Ривьере. За границей, отторгнутые от родной земли и народа, оказались многие писатели и поэты. Большинство из них было обречено на творческое оскудение, и сами они болезненно остро чувствовали это. Ощущение оторванности от родной земли преследовало и И.А. Бунина...

(Звучит стихотворение И.А. Бунина «У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...»).

Ведущий 2: Среди русского зарубежья И.А. Бунин оставался фигурой одинокой, стоящей вне эмигрантских группировок, презиравший суету, дешевую злобу дня. Живой классик, он был так обособлен, так несовременен, так немоден, однако, все это уже не могло уничтожить его самоуглубленного творчества и бесконечной взыскательности к своему таланту.

Бунин писал: «Талант талантом, а все-таки «всякая сосна своему бору шумит». А где мой бор? С кем мне шуметь?» И все же писатель не был совершенно одиноким. Гостями Буниных в Грассе, на вилле с пышным названием «Бельведер», бывали ведущие писатели эмиграции – Д. Мережковский, З. Гиппиус, Б. Зайцев, В. Ходасевич, М. Алданов. Иван Алексеевич охотно помогал из небогатых своих средств нуждающимся землякам.

Ведущий 1: В 1926 году жизнь писателя приобретает новый смысл, в этот год он знакомится с молодой писательницей

Галиной Кузнецовой. Начиналось все тривиальной любовной интрижкой, но позже обоих захватило настоящее серьезное чувство. Бунин понял, что не хочет и не может жить без Кузнецовой, он приглашает ее в Грасс на виллу в качестве ученицы и помощницы. И так они начали жить втроем: Иван Алексеевич, Галина и Вера Николаевна, жена писателя. Сложные перипетии их отношений стали темой эмигрантских пересудов, попали на страницы мемуаров и попортили немало крови всем троим.

Ведущий 2: Жизненные неурядицы и эмиграция травмировали Бунина, но, он не перестает творить и создает еще много произведений – «Митина любовь», «Дело корнета Елагина», первая часть «Жизни Арсеньева», «Темные аллеи».

К сожалению, все произведения окрашены в пессимистические тона. Как и прежде, Бунин сдвигает жизнь и смерть, радость и ужас, надежду и отчаяние. С особенной остротой выступает ощущение бренности всего сущего – женской красоты, счастья, славы, могущества. И, конечно, мысли о России никогда не покидают его. Почти все, что Бунин написал в период эмиграции, принадлежит к его лучшим творениям.

Ведущий 1: В 1933 году И.А. Бунин первым из русских писателей был удостоен Нобелевской премии «За строгий артистический талант, с которым он воссоздает в литературной прозе типично русский характер».

ФРАНС ЭМИЛЬ
СИЛЛАНПЯ
(1888-1964)

**ВЫДАЮЩИЙСЯ ФИНСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ, ПОЛУЧИВШИЙ
НОБЕЛЕВСКУЮ ПРЕМИЮ ПО
ЛИТЕРАТУРЕ (1939):**

«За глубокое проникновение в жизнь финских крестьян и превосходное описание их обычаев и связи с природой».

Франц Эмиль Силланпя, выдающийся прозаик-реалист и единственный пока в финской литературе лауреат Нобелевской премии, родился в Мюллюколу, хозяйстве мелкого арендатора в деревне Киериккала поблизости от волости Хямеенкюрё, в юго-западной Финляндии, которая в ту пору входила в состав Российской империи как Великое княжество Финляндское, в 1888 году. Оба его родителя происходили из крестьянских семей: отец Франс Хенрик Коскинен был родом из прихода Кауватса в западной Сатакунта, а мать Ловииса Вильгельмиина Мякеля была из Хямеенкюрё. Обширные родственные связи оказались важны, когда в самом начале XX века Франса Эмиля отправили учиться, что не было обычным для мальчика из бедной крестьянской семьи.

То, что после народной школы в 1900 году его приняли в лицей в Тампере, было удачным стечением обстоятельств. Однако это также было следствием реализации идеи народного просвещения и целенаправленного подъема общественного сознания. Годы учебы Франса Эмиля совпали со временем плодотворного перелома в жизни индустриального города Тампере. Всеобщая забастовка 1905

года воодушевила как рабочих, так и буржуазию, и мальчишки-лицеисты активно участвовали в демонстрациях против царской власти. Силланпяя-лицеист имел счастливую возможность наблюдать за событиями в бурлящем обществе одновременно глазами пролетариата и состоятельной буржуазии: сначала он снимал угол в рабочем квартале Амури, а затем в качестве домашнего учителя жил в семье фабриканта Хенрика Лильерооса. В школьные годы его христианское мировоззрение существенно расширилось, что имело большое значение с точки зрения его последующей писательской карьеры.

Его патрон Лильероос посоветовал одаренному лицеисту продолжить учебу в университете на врача. В экономическом отношении это был бы абсолютно надежный путь, но он не слишком заинтересовал эстетически ориентированного Франса Эмиля. Он проучился в Хельсинки пять лет, с 1908 по 1913 годы, живя на ссуды и получая поддержку знакомых и поручителей, однако учеба продвигалась медленно.

В общекультурном развитии Силланпяя в студенческие годы особую роль сыграло его знакомство с семьей художника и профессора Э. Ярнефельта (брата писателя А. Ярнефельта). Посещая дом Э. Ярнефельта в хельсинкском пригороде Туусула, где тогда жили и работали известные финские художники, композиторы, писатели, молодой Силланпяя впервые получил возможность общения с высококультурной интеллигентной средой, возможность видеть картины, слушать музыку, участвовать в беседах об искусстве.

Студенческие годы имели большую важность для литературного и мировоззренческого развития Силланпяя. Его особенно увлекали вопросы, связанные с естественнонаучными исследованиями и свободной философией науки.

Университетские занятия биологией оказали сильное влияние на взгляды Силланпяя. В числе интересовавших его

естественнонаучных и философских теорий были эволюционистские взгляды знаменитого дарвиниста Э. Геккеля, так называемый «энергетический монизм» В. Оствальда, химика и философа-идеалиста; интуитивистская философия А. Бергсона, теория относительности А. Эйнштейна, морфология культуры О. Шпенглера, психоаналитическое учение З. Фрейда.

Из-за материальных трудностей и ухудшившегося состояния здоровья Силланпяя не окончил университетского курса. В конце 1913 г. он покинул Хельсинки и поселился в деревне у родителей с намерением посвятить себя литературному творчеству. У него не было ни денег, ни возможностей продолжить учебу, зато было четкое представление о том, куда следует идти. «Жизнь неприкаянного доктора» в Тёллинмяки на родительский счет была не слишком приятна, однако в его комнатке начали рождаться рассказы, в которых выплеснулись окружающее социальное напряжение и личные переживания того мирка, в котором ему пришлось находиться.

Осенью 1916 года Силланпяя, подобно ракете, ворвался на литературный небосвод со своим романом «Жизнь и солнце». В царившей атмосфере застоя в романе били ключом летние настроения, смело обрисованная любовь между молодыми людьми, опьянение природой. Роман полностью овладевал своим читателем, он стал сенсационным прорывом писателя-дебютанта. Критика встретила нового автора как отрицательными, так и восторженными рецензиями.

Силланпяя - бытописатель сельской Финляндии. По тематике в самом общем ее выражении он довольно традиционен, причем из множества предшественников особенно близки ему были Ю. Ахо и А. Ярнефельт.

Силланпяя писал о батраках и батрачках, мелких арендаторах и земельных собственниках, о деревенских детях. В автобиографических произведениях писатель никогда не упускал случая напомнить, что и сам он - «от земли», из деревни, из малоимущих ее слоев. Сельская жизнь в

изображении Силланпяя далека от идиллии, совсем напротив. Однако иной жизни, кроме деревенской, его герои себе не представляют, они органически связаны с нею всем своим опытом и мировосприятием.

Показателен следующий биографический факт. Родители Силланпяя - и отец и мать - до своей женитьбы были наемными батраками, но их предки некогда владели крестьянскими усадьбами. По записям в церковно-приходских книгах крестьянский род отца Силланпяя (именно как род земельных собственников) прослеживался с 1702 г. Но со временем род разорился, потерял усадьбу, и в очерке «Дорогое мое отечество» из книги того же названия Силланпяя не без горечи писал о своем отце: «Я не могу говорить об отчей земле, потому что земли у моего отца до сих пор не было. Это может показаться странным - ведь моему отцу скоро исполнится 70 лет, и преимущественную часть этого времени он только и делал, что обрабатывал землю».

Роман Силланпяя «Праведная бедность» начинается с того, что упоминается о социальном происхождении героя, нынешнего батрака Юха Тойвола, а именно: предки его не были батраками, они принадлежали к сословию крестьян-собственников; читатель узнает, что и теперь в соседних с местожительством героя приходах есть влиятельные хозяева, которые приходятся ему родственниками, но с которыми он давно потерял связь.

Роман «Рано усопшая» имеет даже специфический подзаголовок: «Последний отпрыск старинного рода» - подразумевается крестьянский род.

Зато в следующем романе Силланпяя - «Путь мужчины» - вроде бы нет мотива генеалогической деградации; напротив, повествуется если не о совершенно ровной изначально, но все же постепенно выравнивающейся крестьянской усадьбе, о пути от состояния неустойчивости к стабильности - слово «стабильность» вынесено в подзаголовок романа («Ahrolan talon oloista Paavon isannuuden vakiintuessa»). Тем не менее,

хотя мотива социально-генеалогической деградации нет, остается угроза иной, нравственной, деградации героя, на чем, собственно, и строится сюжет этого романа.

В период революции Силланпя с семьей жил в деревне, местность вокруг была охвачена острейшей классовой борьбой, но он хотел остаться в стороне от событий, хотя это ему не удалось. Сначала, когда положение контролировалось красногвардейцами, он подвергся проверке на предмет владения огнестрельным оружием. Потом, когда местностью овладели белогвардейцы, Силланпя был допрошен в их штабе, и при допросе от него в грубой форме потребовали объяснить свое поведение, отвести возникшие подозрения в возможных его сношениях с красными. Силланпя даже подозревали в соучастии в убийстве сына местного аптекаря. Уже эти безосновательные подозрения и грубость допроса оскорбили Силланпя. Но в еще большей степени его нравственное чувство было потрясено масштабами учиненной белыми кровавой расправы над побежденными. Писатель узнал о массовых расстрелах без суда и следствия, о гибели тысяч людей в лагерях от голода и жестокого обращения. Особенно тягостной для Силланпя была атмосфера мстительной ненависти и злобных наветов, от которых гибли безвинные люди; хозяева мстили недостаточно почтительным батракам, работницам, подросткам, и все это вызывало у «постороннего» Силланпя страстное желание вмешаться немедленно, подать свой голос в защиту попранных норм человечности. В письме к одному из буржуазных политических деятелей (от 7-го июля 1918 г.) Силланпя писал о кровожадном облике белогвардейской Фемиды: символическая повязка беспристрастия была сорвана с ее глаз, в сторону были отброшены весы правосудия, она держала в руке меч и жадно выискивала очередную жертву. Это письмо Силланпя по каким-то причинам осталось неотправленным, но в еще более резких выражениях писатель изложил свое возмущение белым террором в другом, отправленном, письме к издательскому редактору (от 17-го октября 1918 г.). Поводом послужили претензии издательства к рукописи романа «Праведная бедность».

Рукопись «Праведной бедности» автор отсылал в издательство по частям; к началу декабря 1918 г. рукопись была готова полностью, в феврале 1919 г. книга появилась в продаже. Даже много времени спустя, в интервью 1939 г., Силланпя не мог без волнения говорить об этом романе и обстоятельствах его написания. На вопрос, почему он написал «Праведную бедность», писатель ответил: «Никаких «почему» в то время для меня не существовало. Мой народ истекал кровью в буквальном и переносном смысле слова... Не прошло и года после боев, казней, убийств, как появилась моя книга. И я не без удовлетворения и гордости смог убедиться: народ наш, все его слои, словно вздрогнул. «Неужели все это было так?» - спрашивал народ».

Роман «Праведная бедность» имеет подзаголовок: «Полная биография одного финна». Многострадальная жизнь Юха Тойвола - батрака, лесоруба, торпаря - рассказана с момента рождения до трагического финала, до его расстрела белогвардейцами у братской могилы, вместе с восемью другими красногвардейцами. Причем основные моменты жизни и обстоятельства гибели героя сообщаются уже в прологе - этот прием роднит Силланпя с Гамсуном. Еще Горький, восхищаясь романами норвежца, заметил, что их автор «рассказывает на первой же странице все, о чем речь идет дальше, и заставляет затем читать пятнадцать листов»

В романе Силланпя нет развернутого изображения исторических событий, этого не требует избранный автором стиль, но главные вехи экономической и политической истории все же расставлены: упоминается о жестоком общефинляндском голоде 1867-68 гг. и строительстве первой железной дороги, о развитии лесной промышленности и появлении первых сельскохозяйственных машин, о зарождении рабочего движения и всеобщей политической стачке 1905 г., о новом революционном подъеме 1917-18 гг. О финской истории автор судит сурово, она, по его словам, «исполнена трагизма, необычайно изощренного трагизма. Судьба не убивала нас, а лишь медленно истязала». Строительство голодными людьми первой железной дороги

передано следующим образом: «Одни копали, другие ждали за их спиной, когда смерть передаст им кирку. И смерть старалась быть беспристрастной, она отдавала кирку все новым и новым тысячам, убирая тех, кто отработал свое... Тихо умирали люди на склонах Салпаусского кряжа, и тысячи мертвецов, лежащих там в своих песчаных могилах, должно быть, очень удивились, когда ровно пятьдесят лет спустя уловили в пульсации проложенной ими железной артерии слова: «Чаша страданий переполнилась!» - «Как так? - наверное, спросили они. - Неужто она переполнилась только сейчас? Ведь она и тогда уже была полным-полна».

Роман «Праведная бедность», справедливо признанный лучшим романом Силланпяя, имел большой общественный резонанс. Прочитав роман, Ю. Ахо писал автору: «Очень своевременная книга - она заставит кое-что понять и увидеть в истинном свете даже тех, кто долго ничего не понимал и не видел. Такой глубокой вспашки целины и взрыхления почвенного слоя, как это сделали вы своим романом, давно не было в финской литературе. И такая книга несомненно окажет далеко идущее влияние».

К «Праведной бедности» примыкают тематически, а отчасти и сюжетно, рассказы сборника «Дорогое мое отечество» (1919) и повесть «Хилту и Рагнар» (1923). Примерно в тому же времени, к 1924 г., относятся первые наброски к роману «Рано усопшая», хотя основная работа над ним отодвинулась на несколько лет.

Роман «Рано усопшая», вышедший в конце 1931 г. - тоже «крестьянский роман», но написанный в ином ключе, чем «Праведная бедность».

События 1918 г. затронуты и в этом романе, но сообразно с характером героини предстают в особом психологическом ракурсе. Образуется цепь трагических недоразумений и несоответствий. В дом, где служит героиня романа - Силья, заходят двое юношей, и она с готовностью показывает им дорогу, не подозревая, что вскоре эти благообразные с виду юноши коварно расправятся с часовым-

красногвардейцем, который мог помешать им пробираться дальше на север, в район формирования белой армии.

Моральное сочувствие автора в этом романе на стороне жертв, на стороне страдающей бедноты. Хозяева хитры и трусливы, белогвардейцы жестоки, расстреливают женщин; у бедняков больше человечности: вдова Телиниemi, зная о вине Сильи, жалеет ее.

За роман «Рано усопшая» автору была присуждена в 1939 г. Нобелевская премия.

Тот крайний романтический и этический максимализм, который сказался в этом произведении, побудил Силланпя в дальнейшем искать более «компромиссные» варианты, чтобы как-то увязать этику с жизнью, нравственный идеал с действительностью. Для Силланпя это оказалось нелегкой, по существу невыполнимой задачей, прежде всего по причинам мировоззренческим. Его общественный идеал оставался по-прежнему связанным только с крестьянством, хотя в крестьянской среде господствовала мелкобуржуазно-собственническая мораль, изъяны которой он хорошо знал. В художественных решениях приходилось отчасти идти на уступки этой морали. В итоге компромиссные варианты оказывались в чем-то искусственными, вели к принудительному притуплению социально-нравственного зрения.

Вышедший в 1932 г. роман «Путь мужчины» в некотором смысле прямая противоположность роману «Рано усопшая». Здесь уже не трагическая, а процветающая фигура крестьянина, который ценой испытаний и моральных компромиссов достигает устойчивого положения. В романе чувствуется рука мастера, есть впечатляющие описания крестьянского труда, жизненные ситуации и характеры. И все же в общем развитии сюжета, в сцеплении эпизодов, в мотивации поступков, моральных критериях, пронизывающих повествование, наблюдается некоторая искусственность и облегченность. Чтобы «компромиссный» и «процветающий» герой более или менее состоялся именно как образ

нравственно-положительного человека и чтобы все в его жизни упорядочивалось вовремя, все двигалось к благополучному концу, автор вынужден помогать герою облегченными фабульными решениями.

Книге «Люди в летнюю ночь» (1934) Силланпя дал подзаголовок «Эпическая сюита» («Eepillinen sarja»), и нечто от музыкальной сюиты есть в самой композиции этого произведения. Оно построено как цепь относительно самостоятельных картин-эпизодов, объединяющим фоном является атмосфера летней северной ночи с игрой света, звуков, движений. Акцент делается на импрессионистической многоликости жизни, в которой соседствуют нежное и грубое, любовь и ненависть, рождение и умирание. В пьяной драке сплавщиков нелепо гибнет человек, в одной из последующих сцен умирает старая крестьянка; но в эту же летнюю ночь, тонко прочувствованную и любовно прорисованную, встречаются юные пары, молодая роженица дает начало новой жизни. Характеры в этом произведении социально менее очерчены, не столь очевидна и этическая тенденция повествования, но зато усилена интенсивность эстетического восприятия жизни, акцент делается на переживаниях, и это в какой-то мере сближает книгу «Люди в летнюю ночь» с первым романом Силланпя, с «Жизнью и солнцем».

Последними художественными произведениями Силланпя стали романы «Август» («Elokuu», 1941) и «Красота и убожество жизни человеческой» («Ihmisen ihanaus ja kurjuus», 1945). Кроме того, писатель выпустил несколько мемуарных книг.

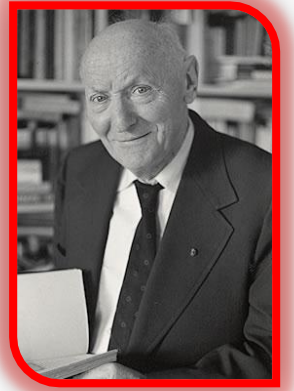
Как указывают финские критики, в сознании послевоенных поколений Силланпя-романист был несколько отодвинут на задний план другим обликом писателя, связанным с популярными его выступлениями по радио, в газетах и журналах. Многим больше запомнился «дедушка Силланпя» с рождественскими посланиями и неисчерпаемыми воспоминаниями. Однако для литературы лучшие романы и рассказы Силланпя представляют

непреходящую ценность, они вошли в золотой фонд финской классики.

ИСААК БАШЕВИС-ЗИНГЕР

(1904-1991)

**АМЕРИКАНСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
ЕВРЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ,
ПОЛУЧИВШИЙ НОБЕЛЕВСКУЮ
ПРЕМИЮ ПО ЛИТЕРАТУРЕ (1978):**

«За эмоциональное искусство повествования, которое, уходя своими корнями в польско-еврейские культурные традиции, поднимает вечные вопросы».

Исаак Башевис-Зингер смеется последним

Как миллионы своих собратьев по эмиграции, Исаак Башевис Зингер (1902–1991) родился в Российской империи, но начал свою жизнь в Америке с нуля, будучи смертельно серьезным польско-еврейским писателем с амбициями покорителя мира. Под конец многим он действительно стал известен как писатель мирового уровня, однако многие другие рассматривали его скорее как подвид американского еврейского комика. Последнюю эту роль он отыграл идеально. Вот, к примеру, выдержка из его благодарственной речи при вручении Национальной книжной премии США в 1970 году за детскую книгу «День исполнения желаний: Рассказы о мальчике, выросшем в Варшаве»: «Зачем я пишу для детей? Есть пять сотен причин, по которым я начал писать для детей, но чтобы не тратить время, приведу лишь десять:

Номер 1. Дети читают книжки, а не рецензии. На критиков им наплевать.

Номер 2. Дети читают не для того, чтобы понять, кто они как личности.

Номер 3. Они читают не для того, чтобы избавиться от мук совести, утолить свою жажду бунта или избавиться от отчуждения...

Номер 9. Если книжка скучная, они зевают, не стесняясь, не стыдясь и не боясь наказания.

Номер 10. Они не рассчитывают, что их любимый писатель станет спасителем человечества. Они хоть и юны, но понимают, что это ему не под силу. Эти детские иллюзии есть только у взрослых».

К 1970 году такие фокусы — насмешка, замаскированная под дурачество, — стали фирменной чертой Зингера. Я лишь низменный балагур, как бы говорил он, нынче я предпочитаю писать для детей, ибо дети, в отличие от взрослых, лишены претензий, в них нет изощренности, коварства, экзистенциального страха и худшего на свете — ложных надежд на улучшение человечества. Вот ради этих своих наивных читателей Зингер и принял Национальную книжную премию — не за главные свои книги, вроде «Раба», «Люблинского штукаря» или «Папиного домашнего суда», не за какой-либо из множества сборников рассказов, а за скромную книжечку, написанную явно для подростков. Как серьезного и взрослого писателя его обошли, по крайней мере, временно, до 1978 года, когда эта несправедливость была исправлена Нобелевской премией по литературе, и он взялся играть роль комика — смягчал свои колкости обезоруживающей несерьезностью, по-английски выразившейся с сильным акцентом.

В истории о том, как Зингер стал писателем-юмористом и фигурой намеренно комической, три акта. Каждый хорошо задокументирован, однако по ходу теряется связь Зингера с литературой на идише и ее развитием в Америке. Посмеяться последним он мог лишь как американско-идишский писатель. Ну и посмеялся.

Когда Зингер сошел на берег в порту Нью-Йорка в 1935 году, «персоналистическая» школа американской поэзии на идише вступила во вторую фазу своего развития. Этот

«молодняк», как они себя называли, во время массовой восточноевропейской эмиграции (1905–1910) сбросил с себя коллективную еврейскую идентичность. На фоне нью-йоркской анонимности они упорно добивались собственной особенности, свои разнообразные жизни они скрывали под множеством личин: Мани Лейб был поэтом-сапожником, Зише Ландау — денди, Х. Лейвик — мучеником, Циля Дропкин — циркачкой, Мойше-Лейб Галперн — мерзавцем.

У них была радикально новая эстетика. Блокировав шум уличного движения и гам улиц вообще, они стали первыми на свете идишскими поэтами, которые сосредоточились на внутреннем состоянии собственного бытия, на поиске изобретенного заново «я». Некоторые надели экстравагантные поэтические маски. Личина Зише Ландау — европеизированный денди, живущий потаканием собственным капризам, — призвана была воспевать «таковость» повседневной жизни. Личина Мани Лейба — увлеченный ремесленник, отчасти даже аскет — вызывала к жизни более рафинированное состояние бытия.

В Польше же, а тем паче в Советском Союзе, ничего подобного не происходило. Однако и там имелось некоторое количество артистов переодевания. Один такой — Ицхак Мангер, серьезный поэт: сменив имя на Ицик при переезде из Румынии в Варшаву в 1928 году, он переквалифицировался в последнего идишского фолк-трубадура. Другим был молодой Зингер: взяв себе имя «Башевис» (в честь матери Басшевы), чтобы его не путали с братом, романистом Исроэлем-Йегошуа Зингером, он — вместе с Мангером — становится самым молодым писателем, допущенным в свежечрежденный еврейский ПЕН-клуб. Но высоколбой художественной литературой и ее переводами зарабатывать на жизнь оказалось невозможно, и Башевис занялся тем же, чем все прочие: анонимно публиковал «шунд» (макулатуру) в популярной печати, а время от времени подписывал своим именем лишь юмористические зарисовки.

В Польше Башевис был мастером на все руки от литературы. В Америке тридцатитрехлетнему эмигранту

пришлось разорваться на три личности: Исаак Башевис — высоколобый писатель, Исаак Варшавски — среднелобый писатель и Д. Сигал — желтый журналист. Имя «Башевис» он использовал не только для романов и рассказов, но и подписал им несколько идишских манифестов: «Проблемы прозы на идише в Америке» (март-апрель 1943 года), «О прозе на идише в Польше» (август 1943-го) и недавно обнаруженный «Реализм как метод и мировоззрение» (февраль 1944 года). Фамилией «Варшавски» он подписывал свою литературную критику и те художественные работы, которые считал пограничными, например, роман «Папин домашний суд», названный им «литературным экспериментом», и все рассказы для детей, включая «День исполнения желаний». Псевдоним «Д. Сигал» тщательно скрывался — и недаром. Им подписывались статейки, которые автор преимущественно передирал из «Дейли Мейл» и переписывал на просторечном «картофельном идише» для ежедневной газеты «Форвертс». Таков был эквивалент «шунда» в Новом Свете.

Псевдонимы, даже все три сложенные воедино, не составляют личность. С помощью Варшавски и Д. Сигала Башевис мог оберегать свое царство серьезного, настоящего творчества. Лишь прожив в Америке полные четверть века, где-то в 1960-х необходимость поддерживать эту защитную стену наконец отпала: вероятно, потому что благодаря переводам и растущей известности его американские издатели и читатели захотели потреблять все, на чем стояла марка «Исаак Башевис Зингер». Башевис, Варшавски и Сигал перестали иметь значение, и Зингер изобрел очередную личину — двойника автора.

В 1960 году, с рассказа «Один», действие которого происходит в Майами-Бич, «Башевис» начал публиковать идишские истории, речь в которых ведется от первого лица человеком с биографией, очень похожей на биографию Исаака Башевиса Зингера. Вечный холостяк, имеющий успех у дам, — этот альтер эго возникал в мелодраматических сюжетах, в которых фантазия мешалась с комичностью. В

«Одном» героя запутывают потусторонние силы, и его возлюбленной становится горбатая кубинка. В «Братце Жуке» он оказывается голым на крыше многоквартирного дома, где живет его любовница, дрожит от холода. Со временем эта вымышленная персона приобретет черты стабильной личности — Аарона Грейдингера, героя-рассказчика таких «среднелобых» романов, как «Шоша» и «Пена», и фантастических сказок вроде «Кафетерия». Если денди Зише Ландау творил прозаическую реальность, а поэт-сапожник Мани Лейба — царство высшей красоты, эксгибиционист Башевиса создает комический гротеск. А уставая паясничать, Башевис-Варшавски писал рассказы для детей.

Отбросив один комплект идентичностей, американские писатели на идише обрели себе новый, который сами же и придумали. Но труднее, чем подыскать себе суррогатную идентичность, были поиски нового языка. Еще в 1935 году, когда Зингер только переехал в Штаты, сам идиш, по его суждению, устарел как язык — на нем изъяснялась лишь неуклонно сокращающаяся, неуклонно стареющая часть американского еврейства. Более того, утверждал он, тот идиш, на котором все же говорили, был языком креольским, для серьезного потребления не применимым. Он обеднел до того, что его ивритский компонент, из-за которого на нем и стал изъясняться весь «идишкайт», и его славянский компонент, от которого язык обретал региональный, провинциальный вкус, почти полностью растворились в германизированной и англоязычной мешанине. В «Проблемах прозы на идише в Америке» — трезвой аналитической статье, опубликованной маленьким журналом «Свиве», основанном Кадей Молодовски в 1943 году, — Зингер провозглашал свою веру в то, что идиш более не играет важной роли в жизни американского еврейства.

Но затем, в двух последующих номерах этого журнала, в самый разгар холокоста, Башевис являет читателям новую разновидность комического письма, какого раньше не знала идишская литература. То были первые фрагменты планировавшейся серии рассказов, которую он называл

«Дневник дьявола» (Dos gedenkbukh fun yeytser-hore). Со временем в нее вошли такие шедевры, как «Невидимки», «Зейделиус, Папа Римский» и «Разор Крешева», и все они написаны сатирическим, перенасыщенным идиомами стилем, что произрастает из самой еврейской мудрости. Однако голос, что в них звучит, — голос дьявола, мастера чревовещания и соблазнения. Этому персонажу не была чужда ни единая форма еврейского сознания, ни мужская, ни женская, ни изощренная, ни глуповатая, и ни у кого не было ни малейшей надежды избежать его сетей. Амбициозный, однако так и оставшийся нереализованным план Башевиса подразумевал изготовление на идише не «Человеческой комедии» Бальзака и совершенно точно не «Божественной комедии» Данте, но истинной «Дьявольской комедии».

Зингер никоим образом не был единственной фигурой на сцене гениев того кошмарного периода — 1943–1945 годов, четвертого, пятого и шестого годов войны. Идиш как сверхидиоматический язык разговорной речи в то время открывал, в частности, и его самый внушительный соперник — поэт, критик и романист Янкев Глатштейн. Пока Башевис похвалялся дьявольским репертуаром идишских стилей, Глатштейн воображал себя заново эдаким великим рабби Нахманом из Брацлава (1772–1810). В своем драматическом монологе «Ликутей Мохаран» («Сборник поучений Мохарана») реб Нахман, устав от интеллектуальных трудов, пускается вместе со своим спутником ребом Носоном на поиски простоты, непосредственного опыта и мелодики. Обнаружив у одного из первых учителей хасидизма и идишского рассказчика идеальный для себя голос, веский и в то же время остроумный, Глатштейн в последующие двадцать лет возвращался к этой брацлавской личине постоянно.

«Дневник дьявола» тоже писался как некий монолог. Благодаря трудам покойного исследователя Хоне Шмерука, мы теперь знаем, что между 1945 годом, когда он опубликовал оригинал своего шедевра «Гимпель-дурень» на идише, и 1975-м Башевис отточил утраченное искусство идишского монолога, произносимого как мужчинами, так и

женщинами, хасидами и жуликами, животными и бесами. Не все его монологи комичны, и ни один оратор не полифоничен настолько, насколько полифоничен Гимпель. Но всякий его монолог завораживает. А в последующие десятилетия у них появились и новые слушатели — они уже не говорили на идише и не понимали его, но любили идишские инфлексии в переводе. Все на идише звучало уморительно — и в «Плейбое», и в «Партизан Ревью», где в 1953 году Сол Беллоу опубликовал свой перевод «Гимпеля».

Последний акт действия был и самым простым: замести следы, навить петель вокруг интервьюеров, сыграть инженерю и сделать вид, что Ицхак Зингер с Крохмальной улицы в Варшаве так и родился обычным трепачом и сплетником. Там, по крайней мере, до него поступали такие прирожденные рассказчики, как Шолом-Алейхем и Ицик Мангер. Исааку Башевису Зингеру отчебучить такое было стократ легче. Когда он вышел под лучи софитов на сцену, немногим пришлось бы в голову вообще искать какие-то заметенные следы или другие костюмы, спрятанные в глубинах гардероба.

А на сцену, в конце концов, Исаак Башевис Зингер вышел потому, что в Америке всегда есть место лишь одному еврейскому комику. Глатштейну было нипочем не справиться с этой ролью, если б он даже захотел ее сыграть, — по той простой причине, что он по-английски говорил без акцента и был подлинным нью-йоркским евреем. Остальные претенденты изящно и любезно к тому времени сошли в могилу: и Мани Лейб, и Зише Ландау, и Х. Лейвик, и Циля Дробкин, и Мойше-Лейб Галперн, и Арн Гланц-Лейелес, и Арн Цейтлин, и Кадя Молодовски — все.

Но последним остался смеяться Исаак Башевис Зингер еще и потому, что он один умел рассмешить публику.

Источник: Jewish Ideas Daily.

ЧЕСЛАВ МИЛОШ

(1911-2004)

ПОЛЬСКИЙ ПОЭТ, ПЕРЕВОДЧИК,
ЭССЕИСТ, ПОЛУЧИВШИЙ
НОБЕЛЕВСКУЮ ПРЕМИЮ ПО
ЛИТЕРАТУРЕ (1980):

«С бесстрашным ясновидением показал

*незащищенность человека в мире, раздираемом
конфликтами».*

«Добро – это мы, зло – это Россия»

Варварство, аморфность и хаос – такой видят Россию поляки по мнению Чеслава Милоша (лауреат Нобелевской премии по литературе 1980 г.).

Чужая, глухая, нагая страна.

Бела, как пустая страница она.

Она ждет, когда дух истории наполнит ее человечностью. Этот острый памфлет из третьей части «Дзядов» Адама Мицкевича отражает, по мнению Чеслава Милоша, суть того, как поляки воспринимают Россию. Русский народ предстает здесь «как зверь, как природа полных краев». Он крепок, но примитивен и парализован апатией. Его «огромные и чистые очи» чужды смятению, а его тело – кокон, который «хранит несозревшую бабочку» души, приводящую поляка в трепет. Ведь

Когда же свободы заря заблестит,

Дневная ли бабочка к солнцу взлетит?

Однако Милош подчеркивает, что помимо ненависти к государству насилия в поэме звучит также сочувствие к его жертвам. Тема русской души, Польши, находящейся в зловещей тени России, взаимного восхищения и отторжения – творчество Милоша плотно пронизано этими нитями «другой Европы». Недавно вышел в свет второй том высказываний писателя о России (1936-2004 годы) с красноречивым подзаголовком - «Воздушные мосты».

Как предотвратить будущую резню

В мае 1963 года Милош писал из Беркли Ежи Гедройцу (Jerzy Giedroyc) (польский публицист, политик, деятель эмиграции – прим. пер.): «я живу под грузом <...> загадки склада польского и русского ума, взаимоотношений польской и русской литературы». Собственную роль в возведении мостов он описывал как «развитие сознания», но не в сфере политики, как хотелось бы редактору парижского эмигрантского журнала *Kultura*, а «всех дел человеческих». Когда в конце 60-х годов Милош изучал генеалогию польской интеллигенции, он обратился к проблемам католичества и православия, потому что «в них кроется основа взаимопонимания поляков и русских, которую в Польше совершенно обходят вниманием». Надежда на «предотвращение будущей резни» (между народами) приводила его к мысли, что часть поляков сможет понять традицию восточного христианства и пробиться «сквозь пласт ненависти к глубинным экуменическим источникам».

На рубеже 70-х они придерживались с Гедройцем одного мнения: Польша погружается в «новое национал-демократическое мракобесие», а единственное спасение от него – прививка знания об «иной России». Преодоление стереотипов.

Поляки – народ зевак

Типичные черты русской ментальности Милош разбирает на основе «Доктора Живаго». Россия как «мистическое тело»; вера в очистительную силу коллективного страдания. Милош не разделяет этой веры, т.к.,

по его мнению, переходя определенную грань, коллективное страдание оборачивается зверствами. На заданный в 1989 году Иосифом Бродским вопрос об идее русского народа как народа-богоносца, он говорит о польской идее мессианства и предостерегает от опасности обеих этих концепций.

В очерке, посвященном Борису Пастернаку, Милош размышляет о распространенном в России культе беспощадной истории, которая идет по будто бы заранее заданному пути, а человек оказывается лишь орудием ее могучих процессов. В эссе об Осипе Мандельштаме он восхищается государственным инстинктом русских, который противоположен польской тяге к анархии.

Ирония – это оружие покоренных, и жители Центральной Европы в ней подкованы, отмечал Милош в эпоху коммунистического гнета. А хозяев, русских, отличает самовлюбленность – неотъемлемая составляющая имперского мышления. Даже у Бродского он чувствовал тоску по империи. В 1996 году на вопрос Гедройца по поводу антиукраинских высказываний Бродского он сказал: «У него были условные рефлексy русского, а ни какая сила не заставит русского признать украинцев самостоятельным народом».

Польский тип донкихотства Милош рассматривает на примере отношения поляков к русской литературе. Они отвергли ее после 1863 года, и это была не только попытка защититься от русификации. «Стремление запечатлеть бессилие и сопротивление как свойства мира, в котором функционирует человек, а также бессилия и сопротивления в его собственной душе, т.е. склонность русских писателей к реализму отталкивала поляков и претила им». Из шляхетской Речи Посполитой они вынесли представление, что человеческая сущность изначально наполнена добром. Тем временем у Достоевского, Тургенева и Толстого они обнаруживали лишь мрак, фатализм и уродства. «Правда о человеке не должна быть настолько мрачной, и если это правда, то только в отношении самих русских», - решили поляки. То есть «добро – это мы, зло – это Россия».

«Демонизм они географически поместили в Россию», - пишет Милош. Последствия же, по его мнению, были серьезны: «Я не раз спрашивал себя, как получалось у этих польских поколений в своих проекциях, в своих представлениях о себе, оставаться господами – застегнутым на все пуговицами, не обнаженными даже в собственной смерти».

Что это означает? Это поэтическая критика той черты в польском характере, которую уже ранее клеймил философ Станислав Бжозовский (Stanisław Brzozowski): вялость и оптимизм недотепы; бегство от фундаментальных вопросов, позиция народа-зевачи, который наблюдает с галерки за «великой драмой мира».

Но это все не относится к Милошу. Он настойчиво обнажал раны общей памяти и «расшифровывал суть бед», свалившихся на нашу часть Европы. Бродский, с которым его объединяло восхищение философией Льва Шестова – мыслителя, остро ощущавшего присутствие в мире зла, назвал Милоша Иовом, который вопиет не о собственной трагедии, но о трагедии самого существования.

Невеселое будущее планеты

В 70-е годы Милош задается вопросом, как в дехристианизированной стране мог появиться насквозь христианский писатель. «Солженицын своей любовью к народу, к своим героям пристыжает и в каком-то смысле бичует весь т.н. Запад», - пишет он Гедройцу. Мыслящая часть российского общества готова платить жизнью за свои попытки «возродить художественные и моральные ценности», словно именно давление подстегивало человеческий дух. На Западе, свободном от политического и религиозного насилия, литература стала почти что «синонимом морального релятивизма», и искусство занимается деструкцией ради самой деструкции.

«Как исчезло человеческое искусство и лицо в живописи, так и роман лишился героя, который бы волновал или восхищал нас, с которым мы могли бы отождествить себя. Вместо героя мы получили хаотически перемещающиеся

вместилища чувств и идей. В этом смысле западное искусство и литература движутся к дегуманизации. В результате они утрачивают контакт с окружающей действительностью, поскольку лишь человеческая форма позволяет нам отделять реальное от нереального».

Комментируя в 1974 году в письме Гедройцу усиление радикальных протестных движений в Америке, Милош пишет: «абсолютная духовная пустота, которую создал капитализм, может быть заполнена лишь одним способом - т.н. «марксистской мыслью», чтобы это ни означало. Посмертной реабилитацией русской интеллигенции, которая прошла через все это на много десятилетий раньше».

Западная литература находится на постнигилистской стадии, повторяет Милош в год падения коммунизма в беседе с Бродским. Литература же «другой Европы» напротив не размывает понятий добра и зла. Милош подчеркивает связь между эрозией религиозной идеи и тоталитарными движениями XX века. Он всерьез воспринимает предостережение Оруэлла, который писал, что логичным следствием духовного опустошения современного человека является тоталитарное государство: «Если это так, то будущее нашей планеты представляется мне совсем невеселым».

Однако под напором Бродского на вопрос, верит ли он, что «христианство с двумя основными понятиями – толерантность и любовь» доживет до следующего столетия, он уверенно отвечает: «Да, доживет».

Западные безумцы

Капитализм вызывал у Милоша отвращение. В послевоенные годы он наблюдал в Америке «острую борьбу за существование, нищету больших городов, одиночество индивидуума, принципиальный антиинтеллектуализм государственного строя» и навсегда остался невосприимчив к его соблазнам. Он неоднократно писал Гедройцу о симптомах процесса разложения, которые разъедают эту систему, и не жалел эпитетов вроде «западных безумцев». Он с сарказмом сообщал о перипетиях Бродского с его американскими

студентами, которых русский поэт выгонял из аудитории, слыша слова «никсонизм – это гитлеризм», а также со слушателями на его авторских вечерах, которые прерывались возгласами «Бродский предал социализм!». Милош видел в этих инцидентах отражение собственной судьбы: «Прямо как я в роли прокаженного, когда я был в Париже». Но он делала оговорку: «То, что происходит в Америке, не является эффектом «русской заразы», а коммунизм не был производением каких-то специфических черт «русской души», просто там создались условия для более скорого «замыкания»...» Марксизм притягателен, поскольку он обращается к благородным импульсам в человеке, но одновременно демоничен, так как оправдывает преступление. Человек для марксистов – это лишь «общественная обезьяна», результирующая сила, считает Милош. Коммунизм утратил для поэта «притягательность обещания» еще в 30-е, когда он открыл для себя, что олицетворяющая эту идеологию поэзия Маяковского скрывает под «буйством и геройством» лишь труху.

В середине войны, в 1942-м, Милош, предвидя, что вскоре ему придется встать перед крайне сложным выбором, в письме Ежи Анджеевскому (Jerzy Andrzejewski) пытается сформулировать свое отношение к «вопиющему гласу доктрин». На что опереться, когда «столько вер» превратилось в руины? В чем искать «зерно этического смысла»? Милош видит его в сочувствии и сострадании к другому человеку: «Я хотел бы лишь одного: оставаться человеком. Это и очень много и очень мало, но мне кажется, что все же больше, чем быть коммунистом, расистом или либеральным демократом».

«Мы овладеем прошлым и освободимся от страхов и предубеждений, когда мы осознаем то, что определяет нашу суть, и вытащим это на поверхность», - считал Милош. И этому призваны служить возводимые им «воздушные мосты».

Автор: Мадлена Гроховска,
газета «Gazeta Wyborcza», Польша.

ИОСИФ АЛЕКСАНДРОВИЧ БРОДСКИЙ

(1940-1996)

РУССКИЙ И АМЕРИКАНСКИЙ ПОЭТ,
ЭССЕИСТ, ДРАМАТУРГ,
ПЕРЕВОДЧИК, ПОЛУЧИВШИЙ
НОБЕЛЕВСКУЮ ПРЕМИЮ ПО
ЛИТЕРАТУРЕ (1987):

*«За всеобъемлющее творчество, пропитанное
ясностью мысли и страстностью поэзии».*

Гений одиночества Иосиф Бродский

24 мая 1940 года родился Нобелевский лауреат, поэт XX века Иосиф Бродский. Этому человеку с трудной судьбой, но необычайным дарованием, нечаянно удалось влюбиться весь мир в свои стихи. Просто, звонко и с силой, неподвластной времени и моде, его рифма и сейчас задевает тончайшие струны человеческой души. Она учит сопереживать, не драматизируя. Любить, не требуя ничего взамен. Жить, не жалея ни о чем. С благодарностью к поэту мы в AdMe.ru подготовили этот пост.

Начало

Детство Иосифа Бродского пришлось на ленинградскую блокаду, и он вспоминал о нем с великой неохотой. Учился трудно. Да так, что в восьмом классе юный Ося совершил поступок, который резко изменил всю его жизнь — бросил школу. В последующих поисках самого себя он попробует 13 разных профессий (фрезеровщик, техник-геофизик, санитар, кочегар, фотограф, работник морга), прежде чем окончательно не остановится на поэзии.

...И ежели я ночью
отыскивал звезду на потолке,
она, согласно правилам сгоранья,
сбегала на подушку по щеке
быстрей, чем я загадывал желанье.

Бродский и Ахматова

В двадцать один год Бродского познакомили с Анной Ахматовой. Так началась, пожалуй, самая удивительная и искренняя дружба, которую только знала русская поэзия. При этом стихи друг друга их совершенно не интересовали. Не было соперничества, споров двух поколений, вечного «лучше и хуже». Но было что-то другое, о чем Бродский позже скажет так: «Это долго и это сложно. Об этом надо либо километрами, либо совсем ничего».

Судебный процесс

13 марта 1964 года Бродский был приговорён к наказанию по статье «тунеядство» — пяти годам принудительного труда в отдалённой местности. Два знаменитых заседания суда над Бродским были законспектированы и получили широкое распространение.

Судья: Ваш трудовой стаж?

Бродский: Примерно...

Судья: Нас не интересует «примерно»!

Бродский: Пять лет.

Судья: Где вы работали?

Бродский: На заводе. В геологических партиях...

Судья: Сколько вы работали на заводе?

Бродский: Год.

Судья: Кем?

Бродский: Фрезеровщиком.

Судья: А вообще какая ваша специальность?

Бродский: Поэт, поэт-переводчик.

Судья: А кто это признал, что вы поэт? Кто причислил вас к поэтам?

Бродский: Никто. (Без вызова). А кто причислил меня к роду человеческому?

Судья: А вы учились этому?

Бродский: Чему?

Судья: Чтобы быть поэтом? Не пытались кончить вуз, где готовят... где учат...

Бродский: Я не думал... я не думал, что это даётся образованием.

Судья: А чем же?

Бродский: Я думаю, это... (растерянно) от Бога...

Судья: У вас есть ходатайства к суду?

Бродский: Я хотел бы знать: за что меня арестовали?

Судья: Это вопрос, а не ходатайство.

Бродский: Тогда у меня нет ходатайства.

В одиночке при ходьбе плечо
следует менять при повороте,
чтоб не зарябило и еще
чтобы свет от лампочки в пролете
падал перемененно на виски,
чтоб зрачок не чувствовал суженья.
Это не избавит от тоски,
но спасет от головокруженья.

1964

Опальный поэт

Бродского отправили отбывать наказание в Архангельскую область, деревню Норенская. Позже он назвал этот период самым счастливым в жизни. Трудясь с деревенскими мужиками днем, по вечерам он много читал, изучал английскую поэзию, да и сам писал стихи. Телогрейка, куры, скрипучие полы и прочие прелести деревенской жизни пошли на пользу — Бродский был арестован и отправлен в ссылку 23-летним юношей, а вернулся 25-летним сложившимся поэтом.

В деревне Бог живет не по углам,
как думают насмешники, а всюду.
Он освящает кровлю и посуду
и честно двери делит пополам.
В деревне он — в избытке. В чугуне
он варит по субботам чечевицу,
приплясывает сонно на огне,
подмигивает мне, как очевидцу.
Он изгороди ставит. Выдает
девицу за лесничего. И в шутку
устраивает вечный недолет

объездчику, стреляющему в утку.
Возможность же все это наблюдать,
к осеннему прислушиваясь свисту,
единственная, в общем, благодать,
доступная в деревне атеисту.

1965

Эмиграция

После возвращения из ссылки Родина и партия терпела Иосифа еще 7 лет. Потом поэта поставили перед выбором: немедленная эмиграция или допросы, тюрьмы и психбольницы, через которые ему уже «посчастливилось» пройти. Он выбирает первое, садится в самолет и становится «приглашенным поэтом» в Мичиганском университете. Закончивший неполные 8 классов средней школы Бродский ведет жизнь профессора, преподает историю русской литературы, русскую и мировую поэзию, теорию стиха, выступает с лекциями и чтением стихов на международных литературных фестивалях и форумах, в библиотеках и университетах США, в Канаде, Англии, Ирландии, Франции, Швеции, Италии.

Я не то что схожу с ума, но устал за лето.
За рубашкой в комод полезешь, и день потерял.
Поскорей бы, что ли, пришла зима и занесла все это —
города, человеков, но для начала — зелень.
Стану спать не раздевшись или читать с любого
места чужую книгу, покамест остатки года,
как собака, сбежавшая от слепого,
переходят в положенном месте асфальт.
Свобода —
это когда забываешь отчество у тирана,
а слюна во рту слаще халвы Шираза,
и, хотя твой мозг перекручен, как рог барана,
ничего не каплет из голубого глаза.

1975

Любовь

Первая любовь Иосифа Бродского была несчастной и мучительно долгой. Молодая художница Марианна Басманова после разрыва с поэтом не дала их общему сыну ни фамилии,

ни отчества отца. А он даже из эмиграции неизменно посвящал ей стихи. Но потом уже седой и глубоко одинокий Бродский на лекции в Сорбонне заметил среди своих студентов Марию Соццани. Пять лет жизни с юной итальянкой русского происхождения были для него счастливее, нежели предыдущие пятьдесят.

Ниоткуда с любовью, надцатого мартабря,
дорогой, уважаемый, милая, но не важно
даже кто, ибо черт лица, говоря
откровенно, не вспомнить уже, не ваш, но
и ничей верный друг вас приветствует с одного
из пяти континентов, держащегося на ковбоях.
Я любил тебя больше, чем ангелов и самого,
и поэтому дальше теперь
от тебя, чем от них обоих.
Далеко, поздно ночью, в долине, на самом дне,
в городке, занесенном снегом по ручку двери,
извиваясь ночью на простыне,
как не сказано ниже, по крайней мере,
я взбиваю подушку мычащим «ты»,
за горами, которым конца и края,
в темноте всем телом твои черты
как безумное зеркало повторяя.

1975 — 1976

Прощай,
позабудь
и не обессудь.
А письма сожги,
как мост.
Да будет мужественным
твой путь,
да будет он прям
и прост.
Да будет во мгле
для тебя гореть
звездная мишура,
да будет надежда
ладони греть

у твоего костра.
Да будут метели,
снега, дожди
и бешеный рев огня,
да будет удач у тебя впереди
больше, чем у меня.
Да будет могуч и прекрасен бой,
гремящий в твоей груди.
Я счастлив за тех,
которым с тобой,
может быть,
по пути.

1957

Сигареты

Бродского, перенесшего три инфаркта, не раз предупреждали, что курение является самым страшным врагом его больного сердца. Но он не только продолжал курить, но при этом курил самые крепкие сигареты, у которых еще и отламывал фильтр. Ему сказали как-то: «При условии, что вы бросите курить, Иосиф, вам ещё десять лет жизни гарантировано». На что поэт ответил: «Жизнь замечательна именно потому, что гарантий нет, никаких никогда».

Бродский и коты

Бродский боготворил котов и часто сам себя сравнивал с ними. Как-то он сказал: «Обрати внимание — у кошек нет ни одного некрасивого движения». А, по словам друзей поэта, он часто заканчивал телефонный разговор с близкими и друзьями, произнося: «Мяу-мяу!». После изгнания из СССР значительную часть своей американской жизни поэт провел в одиночестве, когда единственным членом его семьи был любимый кот по имени Миссисипи.

***

Субботним вечером 1996 года Бродский, пожелав жене спокойной ночи, поднялся к себе в кабинет. Утром, там же на полу, его и обнаружила жена. Сердце, по мнению медиков,

остановилось внезапно. На его могиле в Венеции люди до сих пор оставляют письма, стихи, сигареты Camel и виски. А надпись на памятнике гласит: «Со смертью не все кончается».

Источник: <http://www.adme.ru/tvorchestvo-pisateli/genij-odinochestva-iosif-brodskij-690305/> © AdMe.ru

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Бродский не поэт. Документальное кино. Первый канал [электрон. ресурс. дан]: канал YouTube. – режим доступа // <http://www.youtube.com/watch?v=AAhyBeWN4OY>, свободный. – электрон. видео дан. – заглавие с экрана.

Территория чтения

Выпуск 8

К году литературы

Ответственная за выпуск – И.А. Грищук

Составитель – И.А. Гетажаева, Е.Е. Невидимова

Вёрстка – И.А. Гетажаева

Дизайн – И.А. Гетажаева

ГБУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ СЛЕПЫХ»

2015